

Эллин Ти

Нелюбовь

Слова не нужны, если дело касается любви

Эллин Ти Нелюбовь

Серия «Young Adult. Любовь растопит даже лед. Романтика от Эллин Ти»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70271545*

Нелюбовь: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-197987-4

Аннотация

Третья часть в пенталогии про нежную любовь и горячих хоккеистов из команды «Феникс»!

«Нелюбовь» – потрясающая история любви мужчины и женщины, которые уже разуверились в этом чувстве. Эллин Ти – известный автор сентиментальной прозы, которая публикует свои книги в печатном виде впервые!

Для поклонников историй Эль Кеннеди и Сола Рэйн.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	49
Глава 9	52
Глава 10	63
Глава 11	71
Глава 12	79
Глава 13	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Элин Ти Нелюбовь

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Ти Э., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Глава 1

Даша

Жарко. Солнце уже село, но летняя духота не спадает, кажется, что растаю прямо сейчас, а была бы зима, прямо тут превратилась бы в ледышку. Так и не соберусь в нормально-го человека никогда.

Иду, постукивая каблуками, во дворах пусто, поэтому стук громкий. Темно уже, бабульки все спят, дети тоже, а молодежь у нас почему-то не собирается никогда, все в парке неподалеку тусят, а тут тишина и спокойствие.

Но в тишине этой и в стуке каблучков моих спокойствия отчего-то дико мало. По затылку странные мурашки бегут,

ощущение, что кто-то наблюдает за мной, и надеюсь, это просто один из соседей в окно на ночь глядя посмотреть решил, а не... Не знаю, что «не». Спотыкаюсь на ровном месте, чуть не падаю и тут же вздрагиваю: когда сбиваюсь с ритма шагов, слышу, что кто-то идет сзади, негромко шаркая.

Становится по-настоящему страшно, сердце в пятки падает. Оборачиваюсь, стараясь рассмотреть в темноте хоть что-то, но до ближайшего фонаря еще метров двадцать, тут темно жутко, даже силуэтов не видно.

Дышу через раз, язык немеет, мне, черт возьми, страшно! Я спиной чувствую острый взгляд, ощущаю, что кто-то идет сзади, и пытаюсь прибавить шаг, чтобы отдалиться хоть немного.

Снова спотыкаюсь.

Чудом удерживаюсь на ногах. Дышу.

Иду дальше. Трясущимися руками копошусь в сумочке, пытаюсь отыскать телефон.

Мне так страшно... Мне настолько страшно, что потеют ладони и сердце выпрыгивает, грудная клетка ходуном, впопору вызывать «Скорую», ссылаясь на предынфарктное.

Я его слышу. Чувствую. Мне до тошноты жутко, я не понимаю ни черта. Хочется плакать. Слезы комом встают в горле, от этого тяжело дышать.

Это маньяк? Нашел одну-единственную дуру, гуляющую по ночам в пустом спальном районе?

Дохожу до фонаря и быстро оборачиваюсь: до маньяка

метров пятнадцать. Невысокий, в капюшоне, руки в карманах, больше ни черта не видно, но и этого хватает, чтобы паника с новой силой подкатила к горлу.

Вряд ли это мирный житель соседского дома, да? Или заботливый внук, решивший провести бабушку на ночь?

Саша, блин, наслушалась от нее про маньяков, а теперь жутко до смерти! А вдруг правда...

Наконец-то достаю телефон, открываю телефонную книгу и жму на первый контакт, пытаюсь дозвониться. Так же легче, да? Не так страшно, да и преследователя может отпугнуть.

Я надеюсь на это.

Я очень надеюсь!

– Антош, – говорю сразу, как только тот берет трубку, – ты сильно занят сейчас?

– Что случилось, Даш? – звучит в трубке, и на крохотный процент мне становится легче. На самую малость. Но я уже не чувствую себя так уязвимо.

Бегу еще быстрее, радуюсь, что тут уже светят фонари. Очень надеюсь, что не упаду и не облегчу маньяку задачу. Оборачиваюсь. Замедлился. Но все равно страшно до одури.

– Ничего особенного, – тараторю, не понимая, что несу, – я гуляла с подружкой, теперь иду домой, а за мной какой-то мужик! Мне пройти осталось три дома до своего, просто поговори со мной, пожалуйста, очень страшно, с тобой спокойнее.

Голос срывается пару раз, дышать еще тяжелее. Сумочка падает с плеча, ловлю ее в воздухе. Нервничаю.

Кажется, я никогда не дойду до дома. На страхе и адреналине это расстояние кажется просто огромным.

Стопы и икры горят огнем от напряжения, грудь разрывается от гулких ударов сердца. Стараюсь держаться.

– Горе ты, Даша! – рычит Антон, но не злится. Переживает, слышу. – Куда ехать?

О его заботе я обязательно подумаю когда-нибудь потом. Сейчас мне кажется, что маньяк перестал меня преследовать и решил обойти по кругу, чтобы встретиться со мной лицом к лицу.

Твою...

Дышу. Я очень стараюсь. Я очень стараюсь, но не получается ни черта!

– Никуда не надо, мне два дома осталось, я у семнадцатого уже! – говорю погромче, пусть преследователь знает, что люди в курсе о моем местонахождении!

У меня лучшая подруга – фанат всех сериалов мира про маньяков, я даже в стрессовой ситуации помню, что нужно делать для своего спасения.

– Давно идет за тобой?

– Как во дворы свернула, не видела его до этого, а тут сразу из-за угла появился. Страшно, но он замедлился, когда я тебе позвонила, а еще тут фонари хорошо горят, я почти прибежала!

– Даш, ну как так? Такси не ходят? Я есть, в конце концов! Нет тебя у меня больше, Ковалев. Нет больше.

– Тош, не ругайся, я вот пришла уже!

Голос дрожит, руки еще сильнее. Не с первой попытки попадаю магнитом, чтобы открыть подъездную дверь. Оборачиваюсь, смотрю по сторонам, прежде чем войти. Никого...

Сердце все еще стучит очень сильно, но голос Антона и отсутствие рядом маньяка немного успокаивают дыхание.

Ну и что это было...

– Я в подъезде, – оповещаю Антона. Вызываю лифт. Хотя такой накал эмоциональный, что даже в этой тесной кабинке неспокойно.

Рассматриваю себя в зеркало в тусклом свете лампочки, пока еду на свой этаж: растрепанная, испуг в глазах читается явно, губы малиновые, искусала...

Антон пытается заболтать меня, чтобы я перестала волноваться, и сейчас за это я люблю его сильнее всех на свете. Я рада, что именно его контакт был первым в телефонной книге и что, несмотря ни на что, он ответил на звонок и помог мне справиться с накатывающей паникой.

– Зашла? – спрашивает, когда замыкаю дверь. Сумка тут же из рук выпадает, на тело наваливается усталость. Адреналин уходит, меня ноги не держат просто, сил нет ни на что больше. Даже до ванной дойти, чтобы умыться. Сажу в прихожей на маленьком пуфике и чувствую, как слезы, стоявшие в горле, подкатывают к векам. Мне было страшно го-

раздо сильнее, чем казалось в моменте...

– Зашла, – всхлипываю в трубку.

– Запрись на все замки и найди в себе силы дойти до кровати, пожалуйста. Давай, Даш, я с тобой, нужно все это сделать.

Я пытаюсь. Правда. Но руки и ноги не слушаются почти...

Антон просит дышать, считает мне секунды для того, чтобы я медленно выдыхала, и это действительно помогает. Силы не возвращаются, но плакать не хочется. И я все-таки с трудом встаю, чтобы закрыть цепочку и еще один замок, и бреду по квартире до спальни, прямо в одежде заваливаясь на кровать.

Жарко, душно. Но меня колотит. Залезаю под одеяло, укутываясь до самого носа, и пытаюсь успокоиться окончательно.

– Все, Даш, ты в безопасности, закрывай глаза, тебе стоит поспать, – говорит Антон и, кажется, добавляет еще пару слов, но я уже не слышу... Проваливаюсь в сон, абсолютно вымотанная жутким вечером. Таких приключений со мной еще не случилось...

Глава 2

Даша

Я слышу сквозь сон какие-то странные звуки, но голова настолько чугунная, что подняться, чтобы понять происходящее, у меня нет сил.

Что-то стучит, кажется, но я действительно не могу сообщить, что это и кто виновник этих звуков. Может, соседи? Тогда можно спать дальше...

– Дарья! – внезапно разносится по квартире грубым и дико злым голосом, и я подпрыгиваю на кровати с новой порцией страха.

Отец...

Папа живет в центре города, но иногда приезжает ко мне на выходные. Мамы у меня нет, отец работает, кажется, круглосуточно в своей фирме, и видимся мы довольно редко, но это не спасает меня от его нотаций и вечного желания контролировать. Я единственный ребенок, он один воспитывает меня с семи лет, но иногда его переживания переходят все границы.

Встать с кровати не успеваю, он уже появляется на пороге комнаты. Злющий, волосы почти дыбом, дышит тяжело, как

бык перед нападением. Я точно маленький хомяк рядом с ним, дотронься до меня – и нужно будет «Скорую» вызывать.

Я очень сильно люблю папу. И знаю, что папа любит меня. Но он сложный человек, с которым не всегда легко договориться, а еще и годами выработанный командный тон не добавляет веселья нашему общению.

– Дарья, какого черта? – влетает он в комнату. Я все еще сижу на кровати. В одежде, в которой гуляла вчера... Боже. Прикрываюсь одеялом, чтобы отец не подумал ничего плохого, и делаю глазки кота из мультика, только бы он не ругался сильно. – Я стоял в подъезде пятнадцать минут! Потому что дверь была закрыта на цепочку, а ты не могла открыть, когда я стучал, или хотя бы взять трубку!

Он злится, очень сильно, а у меня совершенно нет сил, чтобы хоть что-то попытаться ему объяснить. Ночное приключение высосало из меня всю энергию, мне действительно так хреново, что, кажется, поднялась температура. От стресса, наверное...

Пытаюсь помять руками шею – ломит, неприятно – и закрываю глаза, дослушивая, какая я бессовестная, заставила отца нервничать.

Но папа сдается быстро. Обычно его хватает минут на двадцать, а сегодня и того меньше: он видит, что мне нехорошо, и тут же смягчается, хотя бубнить будет еще долго. Но уже без злости.

– Ты заболела? – Он присаживается ко мне на кровать и

кладет руку на лоб. Прохладная, так хорошо... Кажется, я и правда заболела. Всегда так. Стоит мне перенервничать, как наутро поднимается температура. – Дарья, как так? Ты снова съела слишком много мороженого?

Его мне тоже много нельзя, сразу горло болит.

Киваю. Я лучше совру, что съела слишком много мороженого, чем расскажу правду, от чего у меня температура. Потому что папе такое нельзя рассказывать ни в коем случае. У него сначала будет приступ от нервов, а потом он пойдет ругаться со всей округой и искать виновника моих нервов. И не удивлюсь, если найдет.

И я бы рада, чтобы козла нашли и наказали, но нервы и здоровье папы мне все-таки дороже. Тем более что этот преследователь ничего мне не сделал. А два раза в такие ситуации не попадают ведь, да?

– Прости, пап, я просто очень крепко спала, у меня и правда температура, кажется, – выдыхаю я, и отец окончательно оттаивает. Пока он уходит в ванную, чтобы найти градусник, я быстро, хотя в моем состоянии это очень сложно, переодеваюсь в домашнее и даже успеваю нырнуть обратно под одеяло. Фух! Удалась шалость. Потому что папа не понял бы, если бы увидел, что сплю не в домашней одежде. Придумал бы себе все что угодно, кроме того, что убежала от маньяка и вырубилась на нервах без сил.

– Вот градусник, – протягивает его мне, – я на кухне, сделаю тебе чай. Я сегодня ненадолго, Дарья, работы полно.

Как будто он хоть когда-то приезжает надолго... Он работает слишком много. Чересчур. Папа всю жизнь пахал, чтобы прокормить меня и иметь возможность ни в чем меня не ограничивать. Мама бросила нас, когда мне было семь, и с тех пор папа землю роет, чтобы у меня было все. И у меня правда все есть. И на самом деле отец выстроил свою карьеру так, что ему не обязательно работать так много, но вот привычка пахать никуда не уходит, и он все так же работает с утра до вечера. Лучше бы женщину себе нашел... Он у меня такой красивый! Да толпами бы падали, если бы он только решил, что ему нужны отношения. Но... раньше он боялся меня обидеть тем, что приведет в дом женщину, а сейчас, говорит, привык один. А мне грустно от этого. Он хоть и противный, но очень хороший.

Градусник пищит, заставляя меня вынырнуть из мыслей. Держу его еще секунд двадцать, достаю, и картина маслом: тридцать восемь. Как всегда... Радует одно: обычно температура, вызванная нервами, проходит на следующий день. Надеюсь, так и будет. Потому что болеть я сильно не готова. Во-первых, это скучно. Во-вторых, хватит и того, что во-первых. Живу одна, толпы друзей у меня нет, только Сашка, но она живет далеко, да и заражать ее не хочется. Еще был Антон, но... Боюсь, общение наше уже явно не на той стадии, когда он мог бы приезжать ко мне с апельсинами.

Телефон жужжит на тумбочке, поднимаю его и улыбаюсь: Антон. Только подумала о нем. Спрашивает, в порядке ли я.

Заботливый... повезет той, кто не проворонит свое счастье, как это сделала я. Сама виновата. Нечего жалеть теперь.

– Дарья, что с температурой? – Папа никогда не называет меня Дашей, кстати.

– Тридцать восемь...

Он застывает в дверном проеме с чашкой чая и смотрит на меня чуть строго, как будто бы я виновата в том, что у меня температура. Всегда так делает! Лишний раз и болеть не хочется.

– У меня командировка на две недели, и как мне тебя одну теперь оставлять в таком состоянии? – спрашивает папа, укрывая меня одеялом посильнее. А я только на секунду задумалась, что перебраться к папе на пару недель было бы очень здорово. И не из-за температуры, конечно. А из-за... Я умом понимаю, что вряд ли это был какой-то серийный убийца, который заметил меня и теперь, пока я не стану его жертвой, не отстанет. Скорее всего, это какой-то залетный идиот, который хотел добиться своего в моменте. У него не вышло, и преследовать меня он, конечно, не станет...

Умом-то понимаю! Но вот Сашка, подруга моя лучшая, в голове моей сидит и голосом мелодичным на ухо поет, что надо остерегаться теперь, по сторонам смотреть, а еще лучше запереться дома на двенадцать замков, заколотить все окна и нос никуда не высовывать. А если и высовывать, то только с мешком за спиной, где будет нож, перцовка, бита, молоток, шокер и еще куча всего. И обязательно выходить только в

кроссовках. Ну, чтобы убежать, если что, удобнее было.

Вспоминаю, как бежала вчера на каблуках под жутко-тусклым светом фонарей, и по спине бегут мурашки. Уго-раздило же, блин...

И только порываюсь рассказать отцу, что со мной приключилось, как вижу озадаченность на его лице по поводу того, как ему ехать в командировку, если я заболела. Черт... если я расскажу ему, что произошло, он не то что командировку, он вообще работу бросит. И охрану мне наймет. И будет сам со мной везде ходить. А еще обязательно заберет меня к себе и будет эту квартиру кому-нибудь сдавать. А я ее, между прочим, сама выбирала! Не отдам никому.

Решаю молчать, так будет для всех лучше. А я пару дней дома отлежусь, а потом и правда любые маньяки обо мне уже забудут.

– Пап, езжай и не волнуйся, я девочка взрослая, а температура быстро пройдет. Обещаю пить все лекарства и быть умницей.

– И брать трубку, когда я звоню, – ругает папа за инцидент с дверью. Спасибо, не спрашивает, почему я вообще на все замки закрылась.

– Есть, мой генерал! – улыбаюсь я натянуто, прикладывая ладонь к голове, и даже на это движение сил едва хватает. Я просто хочу спать...

Засыпаю мгновенно, только краем сознания слышу еще какие-то слова отца, а через некоторое время – звук закры-

вающейся двери.

После нервного напряжения мне нужно отоспаться, это поможет лучше любых лекарств. Да и делать сейчас, если честно, не особо что-то хочется. Только спать, спать и спать.

И сплю я практически целые сутки, изредка открывая глаза, чтобы дойти до ванной комнаты, ответить на звонок папы или все-таки выпить чай и таблетку от головной боли.

Я давно не испытывала такого страха, меня это очень сильно вымотало эмоционально, и даже с Сашей я нахожу силы поболтать только через день, за что, конечно, получаю выговор.

Про преследователя молчу, иначе Саша поставит на уши весь город, да еще и сама в ужасе будет ворчать свое фирменное «я же говорила». Что говорила – непонятно, но говорила же!

Именно поэтому я соглашаюсь пойти погулять в парк уже через два дня, когда чувствую себя отлично. А рассказать Сашке про маньяка все еще не могу! Но не сидеть же в заточении всю жизнь теперь, да?

Уверяю себя, что все будет в порядке, и выхожу из квартиры, все-таки оборачиваясь теперь на каждый шорох. Вот тебе и в порядке...

Глава 3

Даша

С ней время летит очень быстро. И страхи все куда-то убегают, оставляя только радость и счастье в душе.

Лучшая подруга – это лучик солнца в моей жизни. Не зря же у нее фамилия Солнцева!

Пока гуляем, я вообще забываю, кто там меня пугал пару дней назад и как я пыталась убежать, надеясь на то, что все закончится хорошо. С Сашей обо всем забываю! Кайфую от этого. Потому что все это время дома я так или иначе думала о произошедшем, хотя по факту ничего не произошло, но с ней... Это потому что я не рассказала ей, конечно, но в любом случае мне замечательно.

– А он мне говорит «ты очень красивая, давно наблюдаю, давай кофе угощу», – рассказывает Сашка про какого-то очередного парня, которого она, конечно же, отшила. Она всех отшивает, а они толпами липнут! У Сани ноги от ушей и глаза самые красивые, что я когда-либо видела, конечно, все мужики на нее внимание обращают. Но с ее паранойей... Повезло только ее бывшему с ней целый год встречаться, удивительным образом. Жаль только, ей с ним не

повезло. – Нет, нормально, Даш? Давно наблюдает он. Еще один маньяк. Мне теперь что, ходить и думать, что он где-то там сидит и наблюдает за мной? – продолжает Саша, и у меня на секунду перехватывает дыхание. Потому что действительно кажется, что за нами, в частности за мной, наблюдает кто-то.

Мурашки снова толпами бегут по затылку и позвоночнику, я ежусь и даже перестаю слушать Сашку на какое-то время: верчу головой, чтобы убедиться, что на нас никто не смотрит, и когда понимаю, что действительно никого нет, немного выдыхаю. Ладно. А то у меня уже тоже паранойя, как у Сани, развивается, нужно взять себя в руки.

– Даш, ты тут? – спрашивает Сашка, щелкая пальцами у меня перед лицом. Да не знаю я, Сань, где я... Странное происходит что-то, самой мне не нравится. – Говорю, расходиться пора, у меня собеседование через час.

– Да, прости, задумалась что-то.

– Только не говори, что опять страдаешь по своему Ковалеву, – закатывает она глаза. Ей вообще Антон не нравится. Конечно же, из-за наших прошлых отношений, которые и отношениями назвать нельзя. Ну и естественно, он маньяк, конечно же. Кто еще будет с девушкой заниматься сексом без обязательств? Только маньяк. Спросите у Саши, она вам расскажет. – Вон пойдти к нему в команду и возьми любого, раз так сильно хочется, покажи ему, что не страдаешь.

– Так, ну, во-первых, я действительно не страдаю, – хихи-

каю я, поднимаясь с лавки вслед за подругой, – а во-вторых, в сторону хоккеистов отныне даже не смотрю. Они слишком наглые и самоуверенные, не хочу. Давай лучше тебе подберем!

– Даш, иди ты... – цокает Сашка и целует меня в щеку, – домой иди! Созвонимся!

Смеюсь, провожаю подругу взглядом и разворачиваюсь, решаясь прогуляться пешком. Небо все в тучах, и я очень надеюсь дойти до дома быстрее, чем начнется ливень, но не успеваю пройти и несколько минут, как гремит так сильно, что я от неожиданности подпрыгиваю на месте и прикладываю руку к колотящемуся сердцу. Да что за издевательство над бедным органом уже который раз!

Наклоняюсь, чтобы поправить съехавшую от резкого прыжка босоножку, и замираю: кто-то снова за мной идет.

Тот или другой – понятия не имею. Но человек в черной кофте с капюшоном абсолютно точно идет в мою сторону, и нас разделяет ничтожно маленькое расстояние.

Это какая-то шутка? Я не понимаю. Он пересмотрел сериалов про серийных убийц вместе с Сашей?

Сейчас мне еще страшнее. Потому что на идиотское совпадение это уже не похоже. Какого черта вообще?!

Меня немного успокаивает тот факт, что мы в парке, еще светло и вокруг люди. Но вот то, что меня, кажется, реально преследуют, заставляет очень сильно нервничать.

Я иду. Куда – не знаю, просто иду. Стараюсь не оборачиваться, чтобы он не понял, что я засекала его, и топаю так быстро, как только могу.

Мне страшно до тошноты. Снова бешено колотится сердце. Дрожат руки.

Сбиваюсь с шага, но не торможу, достаю телефон и снова набираю Антона. А кого еще? Папа уехал, Саша мне не поможет. А больше и некому...

Но трубку Ковалев не берет, ни второй, ни третий раз, и меня бросает в сильную дрожь. Нужно что-то делать... Но что?!

Перехожу дорогу. Проверить, вдруг я ошибаюсь? Перейду, а он себе дальше пойдет.

Но он переходит за мной. И метров через тридцать я перебегаю дорогу обратно, чуть не угодив под машину. Господи...

Первые капли падают на лоб и руки; если сейчас начнется ливень, я точно умру от страха. Оборачиваюсь: он идет параллельно, через дорогу; может, я все-таки придумала себе все? Идет себе по тротуару человек...

Его лица не видно, но мне кажется, что это тот же самый человек, хотя и в прошлый раз я толком ничего не успела запомнить. Чувствую.

Краем глаза замечаю, что он снова переходит дорогу на светофоре, и... боже. Он как-то так ускорился, что оказался впереди и идет прямо на меня, и я прямо сейчас иду ему в

лапы.

Разворачиваюсь. Куда бежать? Не дышу, не живу, думать не получается!

Начинается дождь. Гроза уже практически не пугает по сравнению с этим.

Срываюсь и просто бегу, замечаю спорткомплекс и ускоряюсь, надеясь не угодить в грязь лицом и не дать тем самым ему меня догнать. Господи... хоть бы хоккеисты были там! Хоть бы у Антона была сейчас тренировка! Я не знаю, к кому еще могу обратиться за помощью, мне больше не к кому...

Волосы противно липнут к лицу, дороги почти не видно, но чем ближе я к нужному зданию, тем спокойнее становиться.

Залетаю внутрь, поскользнувшись на плитке мокрой подошвой, но чудом остаюсь на ногах и тут же оборачиваюсь, разглядывая улицу через большие окна, очень боясь увидеть его.

Но его нет. И от этого то ли легче, то ли еще страшнее. Я не знаю, что мне думать и какого черта это все происходит, голова раскалывается на мелкие кусочки.

Дышу, пытаюсь успокоиться и медленно бреду к стенду с расписанием всех тренировок, и когда вижу, что это время занято старшими хоккеистами, – выдыхаю. Вряд ли маньяк сунется в спорткомплекс, потому что тут постоянно поток людей, да и камеры наверняка. А до дома меня теперь точно довезут в целости и сохранности.

И кажется, снова хочется жить. Хотя и страшно до сих пор так, что колени дрожат.

Антон появляется в поле зрения самый первый и буквально через пятнадцать минут. Я не контролирую себя практически, просто как обезумевшая бегу и обнимаю его, пытаюсь спрятаться. Мне все еще страшно. А с ним хоть немного спокойнее.

Антон спрашивает, что случилось, злится и удивляется, когда рассказываю, что снова чуть не угодила в лапы маньяка, а сам постоянно в сторону смотрит, хотя и слушает меня. Вот она, кажется, та, ради кого сам Ковалев остепениться решил. Красивая...

– Я боюсь, Антош... – Паника подкатывает к горлу, когда понимаю, что ему нужно уйти к другой. И я не ревную, давно отпустила уже. И не пытаюсь сорвать им свидание. Мне просто действительно очень страшно...

– Слушай, так, сейчас все решим! – Он по сторонам смотрит, думает что-то, а мне все равно уже что, главное, домой. – Леха, – цепляет он одного из проходящих мимо хоккеистов, – Леха, выручай. Надо девушку домой в целости и сохранности доставить, там маньяк какой-то нарисовался, надо проводить. Будь другом, помоги, а? Проставлюсь.

– Да ладно, – внезапно грубым и чуть хриплым голосом говорит этот Леха, – на безвозмездной основе помогу, что я, не человек, что ли?

Уходить с незнакомым мужчиной после того, что было

полчаса назад на улице, – идея не из лучших, но, если ему доверяет Антон, у меня нет смысла бояться и паниковать.

Ковалев довольный убегает к своей девчонке, и я почти завидую, по-доброму... Не той я была, кого ему хотелось бы добиваться. А тут видно, что бегают вокруг нее, пытается, а она как камень холодная. Оттаивай, дурочка, хороший мужик же...

– Зовут-то тебя как, рыжая? – спрашивает все тот же Леха, глядя на меня со странной ухмылкой.

– Даша, – шепчу я. Голоса почти нет – так тяжело дышала от страха, нервов и бега, что завтра буду горло лечить, видно.

– Ну, поехали домой, Даша? – Он улыбается по-доброму, крутанув в руке ключи от машины. Машина – это хорошо... Так еще меньше страшно.

Глава 4

Леша

Тренировки в последнее время какие-то адовые. Сил после земли и льда остается разве что на душ и сон, даже на поесть – и то не всегда. Оля гоняет, как школьников провинившихся, Палыч еще сильнее, готовит нас к сезону, и реально временами сдохнуть хочется. Подзарядку-то где брать? Особенно холостым мужикам. Мне вот чтобы пожрать и энергии набраться, надо это «пожрать» приготовить сначала. А это еще растрата лишней энергии. Нерационально. Мне уже десять лет как не восемнадцать для таких нагрузок, хоть к маме обратно переезжай, чтобы кормила вкусно, а то сдуваюсь я, джинсы слетают, это уже ни в какие ворота.

Мама говорит «жениться тебе пора», а я думаю, что надо просто заказать себе доставку сегодня и не париться. Женился я уже один раз, спасибо, хватило, не хочу больше. Потому что женщины – меркантильные создания. Красивые, сука, сексуальные, привлекательные, но меркантильные. Юлька, бывшая, бросила меня, когда на горизонте замаячил хер побогаче. Сразу, не задумываясь, забывая про клятвы в ЗАГСе и про нашу общую дочь, с которой, к слову, запретила мне

видеться после этого. История длиною в жизнь, книгу целую написать можно, если вспомнить, что происходило. Но факт в том, что даже суд не помог, и чтобы не травмировать ребенка, я просто отступил и уже шесть с половиной лет плачу алименты девочке, которую не видел почти всю ее жизнь...

Потому что Юля решила, что мужик богаче – это круто. И в перспективы мои не верила. А мне было-то двадцать, я старался, бился куда-то! А она не верила. И быстро сбежала с ребенком под мышкой к тому, у кого за душой было побольше, чем у меня.

С тех пор в любовь я верю максимум на пару ночей. Девушки не отказывают, я тем более не против такого, и всего хватает. Кроме, сука, нормальной еды!

Поэтому совету мамы я не последую, а вот своему – с удовольствием. Закажу себе целую гору бургеров и буду счастлив.

Сегодня сил как-то вообще нет. Выплетаюсь из раздевалки одним из последних с мечтой упасть на кровать лицом в подушку и не вставать ближайшую вечность. В двадцать семь уже можно считаться старым? Потому что я, кажется, уже да. Колени хрустят, и устаю быстрее, чем раньше, пора на пенсию и голубей на лавках кормить.

Иду в холл, думая о своем, как вдруг Коваль меня зовет и за руку хватается, подводя к какой-то рыжей с перепуганными глазами. И че надо от меня?

– Леха, выручай. Надо девушку домой в целости и со-

хранности доставить, там маньяк какой-то нарисовался, надо проводить. Будь другом, помоги, а? Проставлюсь, – говорит Коваль, а сам на Крохалеву зыркает, любовничек.

Смотрю на девчонку. Ниже меня прилично, на голове гнездо рыжее, глаза красные, сама дрожит стоит, мокрая вся. Маньяк, говорит, нарисовался. Поклонник какой бегаёт за ней, что ли?

Мне оно, конечно, триста лет не надо, но как-то выглядит эта девчонка неважно, что отказать не по-человечески будет. А где-то в глубине души я все-таки человек. Почти джентльмен. Очень глубоко.

– Да ладно, – говорю я, а сам надеюсь, что живет эта рыжая не на другом конце города, иначе буду я свою почти человечность проклинать потом. Спать и жрать все еще дико хочется. – На безвозмездной основе помогу, что я, не человек что ли?

На самом деле мне от его «проставлюсь» ни холодно, ни жарко. Ну купит он мне пива, и какой толк, если не пью почти? А так бесплатно помогу, считай доброе дело, может, карму подчищу хоть немного, а то я тут недавно с одной блондиночкой домой приехал, так бабуля у подъезда меня чуть не прокляла. Хоть в церковь иди, честное слово.

Коваль хлопает меня по руке и довольный убегает к Сергеевне, думая, что все вокруг идиоты и никто ничего не видит, а подсолнух этот яркий стоит и смотрит на меня испуганно, хотя сама девчонка не кажется такой забитой серой

мышью. Видимо, и правда случилось что-то. Ну да ладно, дело уже не мое. Мое – доставить.

– Зовут-то тебя как, рыжая? – спрашиваю, а то вдруг нам ехать хер знает сколько вместе, а я даже имени ее не знаю.

– Даша, – шепчет она, голову опуская. Досталась пассажирка, само веселье! Хоть траурную песню ставь, честное слово.

– Ну, поехали домой, Даша? – Я улыбаюсь, чтобы еще сильнее не испугать, и пропускаю вперед к выходу. Замечаю, как она глазами в Ковалю стреляет, интересно... Открываю дверь, и мы выходим под ливень, хватаю Дашу за руку и быстро тащу к своей тачке, почти запихивая на пассажирское. А то сама она заторможенная какая-то, пока поймет, что я от нее хочу, уже вся вымокнет и салон мне зальет.

– У тебя такая машина большая, – опять шепчет она, когда за руль сажусь, как будто за лишнюю громкость звука ее кто-то будет бить или штрафовать как минимум. А машина у меня правда большая. Семиместная, высокая. У меня сосед продавал за половину цены, дураком надо быть, чтобы не взять такую, он катался-то на ней от силы год. Ну и я привык к ней, большая, все вмещается, и я со своими почти двумя метрами тоже. Хорошо же. – А правду говорят, что мужчины размером машины компенсируют размер в штанах? – внезапно говорит та, кто еще минуту назад стоял в холле и чуть не плакал.

Что и требовалось доказать. Как забитая мышшь она точно

не выглядит. И даже какой-то испуг не спрятал нутро, коготки и зубки-то прорезаются.

– Показать? – спрашиваю, заводя машину, и девчонка краснеет тут же. То дерзкая и кусается, то краснеет и прячется, странная.

– Отклоню предложение, пожалуй, – хихикает, заметно расслабляясь. Ладно, меня не боится, это хорошо. Зачем меня бояться? Я добрый, пушистый. Домой отвезти могу вот, сплошная положительность!

– Тогда вопросы такие не задавай, а то моменты бывают, когда твои отклонения никого волновать не будут уже. Хорошо, что я не такой. Повезло, считай. Ехать куда, Рапунцель?

– Почему Рапунцель? – хмурится рыжая и смотрит на меня так странно, как будто я недалекий какой-то.

– Ну ты прическу видела свою? Рыжее гнездо, точно Рапунцель.

– Рыжее гнездо было у Мерида, а у Рапунцель длинные золотистые волосы, знаток мультфильмов! – наконец-то улыбается Даша, и я выруливаю с парковки, почувствовав облегчение.

– Мне Рапунцель больше нравится. Мерида не звучит. Так что будешь Рапунцель. Ехать-то куда?

– Кировский район, Западная, двадцать один, Чудовище, – говорит рыжая, отворачиваясь к окну и хихикая. Орешек-то не всем по зубам, оказывается. А еще она живет рядом, походу. Потому что я в двадцать втором доме живу на

западной. А это прямо напротив, только через детскую площадку.

– И чего это я Чудовище? – Надо заболтать ее. Она, когда молчит, начинает, видимо, думать, и сразу улыбка спадает у нее и руки трясутся. Женщинам вообще думать вредно. Поэтому лучше буду разговаривать с ней, а то заразит меня апатией, чего доброго. Ехать нам минут пятнадцать, если без пробок, так что надо болтать, раз случай пришелся. – Ты эта тогда. Как ее... Эльза? Ну, которая Чудовище расколдовала.

– Ага, – снова хохочет рыжая, – Эльза. Я останусь Рапунцель, пожалуй. Мы из разных сказок с тобой, Алексей.

И тут я с ней очень согласен.

Глава 5

Даша

В машине тепло. Совсем не страшно. И даже этот длиннющий гад с пошлыми шутками не портит моего спокойствия. Надо будет хоть спасибо сказать, а то я свалилась как снег на голову ему с легкой руки Антона, а он выглядит очень уставшим после тренировки, явно не пределом его мечтаний было везти непонятно кого непонятно куда. Надеюсь, что он живет не на другом конце города, а то действительно как-то уж слишком некрасиво...

Меня наконец-то перестает трясти. Хотя от воспоминаний о произошедшем уже второй раз бросает в дрожь. Кто это? Что ему нужно от меня? Почему я? Что он хотел сделать?

Вопросов в голове миллион крутится, но ответить ни на один из них не получается. Потому что я искренне не понимаю, кто может вот так ходить за мной. Для чего вообще? У меня даже нет ничего ценного. Да и вряд ли с целью ограбления кто-то бы вот так ходил за мной по пятам...

– Рапунцель, – опять говорит этот Леша. Он вообще ни на секунду не замолкает, хотя, наверное, мне это больше нравится, чем раздражает. Даже несмотря на то что несет он ка-

кую-то чепуху, это очень отвлекает от глупых мыслей и страха. – А бежишь-то от кого? Решила кинуть кого-то после секса, а теперь он тебе прохода не дает? – Чудовище посмеивается, но мне совсем не смешно. Но я не виню его, хоть и бесит. Он не знает ситуации, а я не уверена, что хочу делиться с первым встречным, даже если он везет меня домой.

– Да... почти, – выдавливаю улыбку. Не хочу рассказывать ему. В этом нет смысла. Начну говорить – снова начну бояться. А я только-только смогла расслабиться. Тем более с этим Лешей мы вряд ли увидимся снова, зачем ему рассказывать о том, что происходит в моей жизни? – Вот тут налево.

– Да, я в курсе.

– Бывал тут? – удивляюсь я, потому что спальный район на окраине далеко не самое узнаваемое жителями города место.

– Живу тут, – усмехается он, паркуясь у моего подъезда, – в двадцать втором. – Леша показывает пальцем на дом прямо напротив, и я удивляюсь, каким образом мы умудрились ни разу не встретиться. Я либо действительно никогда его не видела, либо не обращала внимания, потому что лицо его знакомым мне совершенно не кажется.

– Спасибо, что подвез, – говорю я, но выходить из машины не спешу. Мне снова становится страшно. Тупое ощущение, что этот маньяк выбежит из-за машины и стукнет меня по голове, не дает покоя. Я так и сижу, положив пальцы на ручку двери, пытаюсь ровно дышать.

– И что, даже не позовешь на чай? А как же благодарственный секс? – спрашивает Чудовище, играя бровями.

Я люблю секс. И не отношусь к нему как к чему-то светлому и трепетному, что можно дарить только любимому мужчине только в браке и все такое. И в принципе, встретить я этого Лешу в другой ситуации, возможно... Ну, он красивый. Высокий, плечи как половина машины широченные, руки красивые.

Но вот сейчас, когда меня кто-то преследует и мне нужно думать, как справиться с этим и остаться в живых, секс – это последнее, чем я буду заниматься. Тем более с первым встречным.

Бросаю на Лешу уничтожающий взгляд, но все еще не спешу выходить. Ну страшно же...

И, видимо, не таким уж уничтожающим является мой взгляд, а больше удивленным, потому что Леша закатывает глаза, но выходит из машины под ливень, открывает мне дверь и даже руку подает. Вау. У Чудовища есть манеры.

– Но это не для чая и секса! – спешу я сказать, когда мы заходим в подъезд. А то надумает себе еще чего.

– Бесстрашная ты девчонка, Рапунцель, – усмехается он, когда мы ждем лифт.

– Почему это?

– Незнакомого мужчину утащила в подъезд, стоишь, ждешь лифт. А если я маньяк? Кнопку «стоп» нажму, и все, спасайся кто может.

Иронично, но именно на этих словах приезжает лифт. И мы в него входим, продолжая диалог.

– Если Антон меня тебе доверил, то ты точно ничего плохого не сделаешь. Он бы не подставил меня.

– Да Коваль у нас прям не человек, а солнышко ясное! – Он немного злится на этих словах почему-то. Хмурится, челюсти сжимает. Подозреваю, что дело в девушке. Чувствую просто, женская интуиция.

Выхожу на своем этаже и иду к двери, ненавижу эти длинные коридоры. А Чудовище следом идет, молча, и мне то ли действительно начинать бояться его, то ли доверять, как и планировала.

– Спасибо, что проводил, – я поворачиваюсь у двери, – и подвез.

– У тебя есть время передумать и утром поблагодарить меня еще и за крутую ночь.

– Спасибо, Леша, что проводил, и надеюсь, больше не встретимся. Доброй ночи.

Забегаю в квартиру, за пару секунд справившись с замком, и слышу, как это Чудовище смеется надо мной! Шутник! У меня тут сердце от страха выпрыгивает, а ему смешно... За секс его благодарить. Нет, ну что за наглость вообще?

Чувствую, как краснею от таких заявлений. У меня давно никого не было, я последнее время, кроме Антона, даже не замечала никого, даже не разговаривала ни с кем! А тут наг-

лый такой сразу попался. Не стесняется ничего, фразочками такими бросается, что то ли смеяться, то ли краснеть, прямо как сейчас.

Подхожу к окнам, закрываю шторы, осторожно осматриваю двор на наличие мужчин в капюшонах. У меня страх теперь жуткий после всего этого, и как жить?

Подхожу к окну в спальне и поднимаю взгляд на дом, стоящий напротив. На шестом этаже загорается свет, и я почему-то сразу думаю: это Леша там живет или не он?

Стоп. А зачем я вообще об этом думаю?

Одергиваю себя и закрываю окна, иду на кухню, чтобы сделать кофе и расслабиться все-таки, потому что напряжение, которое покинуло меня, пока я сидела в машине, медленно начинает снова заполнять каждую клеточку тела. А я не хочу бояться даже дома. У меня два замка, у меня цепочка, в конце концов! Через нее только папа пробраться смог, но он, кажется, может забраться куда угодно.

Наливаю кофе, отрезаю кусочек сыра и иду в кровать, решая посмотреть какую-нибудь комедию. Это точно должно помочь. Если не снять напряжение, то хотя бы уснуть во время просмотра, это мне тоже подходит.

Утаскиваю ноут со стола на колени, открываю соцсети, проверяя сообщения, и вздрагиваю от звука щелкнувшего оповещения.

Меня за секунду окунает в страх, кажется, будто это маньяк объявился еще и таким образом. Я правда схожу с

ума, божечки... Потому что веду мышкой на нужную кнопку слишком долго, боясь увидеть написанное, но боюсь я, очевидно, зря.

Новый рекомендованный друг. Всего-то. Бурлящая от страха кровь отливает от головы, а глаза непроизвольно закатываются. Потому что новый рекомендованный друг: Захаров Алексей.

Ох... много тебя сегодня, Алексей!

Глава 6

Даша

Я сижу дома уже целые сутки. Так точно можно сойти с ума, без шуток. Мне не хочется смотреть фильмы, даже музыку слушать нет желания, потому что каждый раз, когда что-то громко звучит, мне кажется, что я слышу какие-то посторонние звуки. Я отсюда уеду либо в психушку, либо вообще никуда не уеду, потому что растолстею и банально не пролезу в дверь. Потому что только и делаю, что бегаю на кухню и утаскиваю печеньки из коробки. Ну ужас!

Просто еды нормальной нет почти, надо было в магазин сходить, прежде чем закрываться дома от маньяка. Можно, конечно, заказать доставку, но у меня с ней слишком плохие отношения. Когда курьер вместе с моими продуктами на два часа в лифте застрял, не доехав всего один этаж, я поклялась больше доставкой не пользоваться. Ну или выходить встречать курьера у дома, потому что это издевательство же.

Окна не открываю, живу как в склепе, и на второй день меня начинает это жутко раздражать. Сама себя доведу ведь...

Выдыхаю. Нужно собраться. Сашке не могу пока расска-

зять, она со своей манией все преувеличивать запишет меня сразу же в покойники от рук серийного маньяка, найдет еще двадцать похожих ситуаций, достанет меня статьями на тему преследований и будет звонить каждые три секунды, чтобы узнать, не пристукнули ли меня еще в подворотне. Люблю Сашу, но бояться от этого буду только сильнее. Папе тоже не могу: у него командировка, он бросит все и придет, точно знаю, а допустить этого я не могу, он слишком дорожит своей работой. Антону... не считаю, что имею право лезть к нему с этим. Особенно сейчас. Сама отвергала, сама теперь и расхлебывать буду.

Вот и чего мне в жизни не хватало? Хороший мужик был, а я отношений боялась, потому что бабник он. Но сама знала ведь, что, кроме меня, у него не было никого. У меня вообще страх отношений какой-то. Наверное, это из-за родителей. Мама ушла, когда мне было семь лет, бросила ребенка без зазрения совести, оставила меня ради другого мужчины и даже не поцеловала на прощание. Собрала вещи на моих глазах и уехала, оставив одну дома, а я до вечера ждала отца с работы и плакала потом у него на плече. Поэтому и боюсь любви. Она обманчива. Я всегда верила в то, что мои родители любят друг друга, а в итоге что? Папа всю жизнь один. Мать даже не вспоминает обо мне, я знаю, что у нее другие дети. Попробуй тут поверить в любовь...

Вот Леша этот. Красивый мужик на самом деле, взрослый, высокий, спортсмен, даже почти джентльмен, но дурак ду-

раком ведь! Кто с таким отношения иметь захочет? Шутки пошлые, намеки недвусмысленные, никакой нежности ни в одном его движении нет. Ну медведь! Еще и в мультиках не разбирается. Это самый главный минус, кстати.

Ладно. Нужно спасти себя самой, раз некому больше. Сидеть дома и сходить с ума проще всего, но совсем не вариант. Ну... я буду находиться дома вечером, когда темно. Днем ведь, когда на улицах много людей, безопасно? Там полный двор бабушек и молодых мамочек, ничего не случится, если я сбегаю до магазина и обратно?..

Иду в душ, собираюсь и пытаюсь не паниковать. Последние две вылазки закончились для меня слишком грустно, горло до сих пор немного дерет, а страх не проходит. Но нужно стараться переступить через себя, чтобы не свихнуться.

Я просто выйду в магазин, закуплюсь продуктами и еще пару дней посижу дома, зато голодной смертью точно не умру. В конце концов, во дворе действительно куча людей, никто не станет нападать на меня на глазах у детей и старушек. Я искренне надеюсь на это.

На всякий случай кладу в сумку перцовый баллончик. Мне папа подарил, когда я стала жить одна, но он так и стоял на полке с ненужным хламом до сегодняшнего дня. С ним как-то спокойнее. Но надеюсь, не пригодится.

Выхожу на улицу и сразу смотрю по сторонам: тупое чувство, что кто-то за мной наблюдает, не покидает меня ни на секунду. Господи... как я докатилась до этого? Ведь было же

все хорошо. Жила себе, гуляла, училась, кушала ночами мороженое на детских качелях, а сейчас что? Бегу в магазин, пока светло, чтобы вечером не попасть в лапы маньяка. Супер просто! Сюжет для сериалов Сашки, не меньше.

Иду, постоянно оглядываясь. Это непроизвольно происходит, просто небольшой контроль над ситуацией дарит капельку спокойствия. Магазин через дорогу, от дома две минуты, и мне впервые, наверное, радостно, что он так близко. Обычно я люблю прогуляться подольше. Сейчас предпочитаю остаться в живых.

Беру побольше овощей, чтобы не наесть бока на печенках, фруктов, но никак не могу устоять перед шоколадкой. Затариваю целую тележку и, когда везу ее на кассу, надеюсь, что дотащу все это до дома. Руки бы не оторвать. А то еды набрала как на роту солдат, а в итоге так и буду таскать печенки и плакать потом, когда в джинсы не влезу.

Подхожу к кассе, очередь километровая, и какой-то слон сзади толкает меня так сильно, что я врезаюсь в тележку, а та – в стоящего впереди покупателя. Господи! Как же стыдно. Надеюсь, ему не было слишком больно, потому что виновата буду, конечно же, я.

Мужчина поворачивается, я очень надеюсь, что не накроет меня трехэтажным матом, но он даже слова сказать не успевает, как расплывается в хитрой улыбке и говорит негромкое:

– Привет, Рапунцель.

– Привет, Чудовище, – вздыхаю. Вроде и радостно, что не нарвалась на какого-то психа, который оторвал бы мою кудрявую голову за неуклюжесть, а вроде и неловко как-то, что оказался тут именно Леша. Хотя предпочитаю «Чудовище» все-таки. Ему больше идет.

– Специально таранишь меня, да? – усмехается опять. Господи, ну за что... – Могла просто позвать, если внимание решила привлечь.

– Я даже не знала, что это ты! Меня просто толкнули.

Боже, эти хоккеисты все такие самоуверенные? Мне почти плохо от запаха их наглости. Она дышать спокойно не дает, когда рядом стоишь.

– Почти поверил тебе, – подмигивает, а потом заглядывает в мою тележку, но только молча усмехается. Да, я набрала еды на целую хоккейную команду, и что? Машинально перевожу взгляд в его корзинку. Все скромно. Молочка какая-то, сардельки, два готовых майонезных салата, сок и баночка меда. Говорю же, медведь.

– Эти салаты гораздо полезнее сделать самому, они же лежат тут черт знает сколько, а еще ты даже не знаешь, чистыми ли руками их готовили, – морщусь я, глядя на майонезное безобразие. Я к готовке очень трепетно отношусь, даже тесто для пиццы сама делаю, а не готовое покупаю, вот такая вот странная. Для меня это ритуал особый. А покупать готовый салат – издевательство.

– Ну, приготовь чистыми, я с удовольствием поем, – хмы-

кает он и чуть продвигается по очереди. Вообще-то, мог и пропустить девушку... Но джентльмен он все-таки гораздо меньше, чем наглец.

– Сам приготовь, – фыркаю я в ответ. Так бесит он меня...

– А сам я купил, рыжая. На большее меня не хватает. Терпеть не могу готовить, только есть люблю. Приходится выкручиваться.

Почему-то думаю о том, что живет он один, раз некому готовить для него. Ну конечно. Я же говорила, кто с таким наглым дураком согласится жить? Мы пять минут в очереди стоим, он уже меня утомил, что тут о постоянном времяпровождении говорить. У него же рот не закрывается.

– Не хочешь пропустить меня вперед? – Злюсь отчего-то. Хотя понимаю, что он мне не должен ничего.

– Нет, – усмехается снова и наконец-то подходит к ленте, начиная выкладывать свои скромные покупки, – ты своей телегой очередь на полчаса тормознешь, а у меня тренировка.

– Ты такой джентльмен!

– Кто сказал такое? Не верь, Рапунцель, врут нагло, – снова подмигивает он мне и отвлекается наконец-то, когда ему начинают пробивать продукты. Вот же... Взять бы яблоко и кинуть ему прямо в затылок, только яблоко жалко.

Стою и надеюсь, что внимания он мне не уделит больше. Мне эти разговорчики его... И он действительно молча собирает продукты в пакет, оплачивает и уходит, даже не взглянув на меня. Все как заказывала.

Но куда я столько накупила... Может, это я из-за стресса так? Два огромных пакета. Во-первых, как я их донесу? Во-вторых, кто все это будет есть? И в-третьих, каким образом я достану из сумочки перцовый баллончик, когда на меня нападет маньяк, если у меня руки заняты?! Вот же...

Глава 7

Леша

Нужно будет приехать на тренировку и дать Ковалю по голове. Вот жил спокойно, не тужил: ел,пил, спал, ходил себе покупал эти чертовы салаты, а теперь появилась какая-то пиявка рыжая, которая прямо посреди магазина стоит и эти салаты критикует. Нет, нормально? Я, блядь, и без тебя знаю, что дерьмо это собачье, но так делать-то что, если жрать хочется, а руки из жопы? Простая такая. Приготовить легче. Ну приготовила бы!

И стою как дебил под магазином, жду, пока она свои мешки затарит огурцами, потому что отпустить девчонку одну тащить такие тяжести даже для меня слишком.

И надо оно мне?

До тренировки уже меньше часа, надо домой идти, пожать быстро и в комплекс ехать, а я стою. Потому что Рапунцель, походу, решила всех нуждающихся накормить в городе, раз столько продуктов купила себе одной.

То, что живет она одна, я сразу просек. Это легко. Подвезти ее было некому, а был бы мужик – приехал бы за ней, это логично. А если он есть и не приехал, когда она от страха

тряслась стояла, то на хер его послать надо было еще вчера. На предложение переспать она только фыркнула, а не сказала, что у нее кто-то есть, да и тележка у нее одной травой забита, мяса никакого нет, значит, точно без мужика.

Зачем я об этом думаю? Наверное, чтобы не нарваться на ревнивого придурка, когда буду сейчас ее пакеты домой нести. Просто ее счастье, что мы живем рядом... Вот в другом случае хрен бы помог. Наверное.

Рыжая выкатывается из магазина минут через пятнадцать. Я за это время успеваю свариться на солнце и сто раз пожалеть, что решил вписаться помогать ей.

Но выходит она так тяжело, что понимаю: не зря остался. Дуралейка не дотащит это сама ни за что, а мне-то и не трудно на самом деле. Мама воспитывала так, что слабым, убогим и девочкам помогать надо. Ну, тут явно три в одном. Комбо собрали.

– Рапунцель, руки оторвутся, – зову я ее, потому что она идет и не видит ничего вокруг, и вдруг от моего голоса чуть не прыгает, испугавшись, и роняет на землю один пакет. Благо роняет ровненько, ничего не выкатывается даже. А то бегать помидоры по земле собирать я точно не подписывался.

– Ты зачем пугаешь?! – Она кричит на меня, ну очуметь можно. Я тут жду ее с пакетами, а она орет. Женщины, блин...

– Я не пугаю, это ты трусиха. – Подхожу к ней и протягиваю свой пакет. Он легкий, по сравнению с ее так вообще

невесомый.

– Что это?

– Это пакет, рыжая, не тормози, пожалуйста. Как в Чебурашке: ты все понесешь, а я тебя.

– В советских мультиках ты разбираешься лучше, чем в Диснее. – Вдруг она хихикает, наконец-то опуская пакеты на землю и хватая мой с этими чертовыми салатами. И жрать их теперь не хочется, тьфу!

– Это классика, мелочь ты! – Беру в руки пакеты: реально тяжелые. Каким местом думала, когда набирала столько?

– Сам ты мелочь, мне двадцать один, – фыркает рыжая, но послушно догоняет меня и идет рядом.

– А мне тридцать шесть, так что мелочь. – Я вру о возрасте и усмехаюсь, когда вижу удивление на лице Даши.

– Тебе тридцать шесть?

– Тридцать семь почти, если быть точнее. Знаю, что не выгляжу. Слишком молод и красив, правда?

– Нет, я честно думала, что тебе около сорока, может, чуть больше. А ты молодой еще, оказывается! – веселится бестолочь.

– Молодой, крепкий, горячий, выносливый, – перечисляю достоинства, останавливаясь у ее дома, – а еще дико опаздывающий, поэтому открывай подъезд быстро, если не хочешь пожитки свои сама тащить до квартиры.

– А еще очень скромный, – говорит Даша, но подъезд послушно идет открывать. Тормозит пару секунд, и забегает за

мной козой горной, тут же растеряв все настроение. ПМС у нее, что ли, что в эмоциях скачет. То хохочет идет, то в пол смотрит и чуть не плачет.

Решаю не продолжать шутки, что-то она совсем поникла. Возможно, нужно спросить, что случилось, но, во-первых, я опаздываю, а во-вторых, мне не то чтобы слишком интересно.

Довожу ее до квартиры, забираю свои салаты и щелкаю пальцами пару раз перед лицом, пытаюсь привести ее в чувство. Потому что я собираюсь уходить от нее, а она как смотрела в одну точку, так и смотрит. В гипноз впала, что ли... или как оно там называется?

– Рыжая, ау, поезд отправляется, проснись и пой.

– А? – Она оживает наконец-то, моргая много раз. Смотрит на меня странно как-то и вдруг абсолютно бесцветным голосом выдает неожиданное: – Спасибо тебе, Чудовище, что проводил.

– Да ладно, обращайся, если что, – говорит за меня в моей голове мама, и я, повергнутый в шок поведением рыжей, улетаю, потому что времени до тренировки остается катастрофически мало. Я даже не успею поесть этот чертов майонезный салат.

Глава 8

Даша

Либо я все-таки сошла с ума, либо правда видела кого-то, стоящего у угла дома. В капюшоне и очках. Господи, пусть я лучше сошла с ума...

С Лешей идти было совсем не страшно. Он вроде и бесит меня, но с ним безопасно как-то, иду рядом и о плохом не думаю. Даже на секунду решила, что все уже хорошо и мне нечего бояться, как заметила мужчину в черной толстовке... Я искренне не понимаю, кто и по какой причине может меня преследовать, но от этого легче не становится. Там правда кто-то стоял, я в своем уме, там кто-то был! И смотрел в нашу сторону, я... Просто спасибо Чудовищу, что по какой-то причине он решил меня дождаться и донести мои пакеты до дома, потому что иначе этот маньяк ведь мог зайти за мной в подъезд и...

Боги. По спине мурашки бегут, мне снова так страшно, что дрожат руки. Это состояние уже раздражает, но страх вообще практически не покидает меня, просто то усиливается, то чуть слабеет, когда я чувствую себя в относительной безопасности.

А с дураком этим, кажется, действительно совсем не страшно было. Вот даже ни капельки! Только когда он у магазина меня напугал. Он большой, сильный, за ним, как в любименной цитате, как за каменной стеной. Как бы ни бесил меня, спасибо ему большое, что не бросил одну.

Затаскиваю пакеты в квартиру с трудом, вообще не понимаю, как Леша их нес так легко, как будто они ничего не весят, и снова закрываюсь на все замки. М-да... Пора идти к психологу, это уже серьезно.

Может, стоит заявить в полицию? В конце концов, это сейчас он только ходит за мной, а вдруг завтра нападет? Заявлять будет уже поздно.

Все законы из головы вылетают, хотя уже три года их на юридическом зубрю. Просто страх, он все перечеркивает, я снова закрываю шторы, чтобы никто за мной не следил, и набираю номер полиции.

– Здравствуйтесь, – говорю и слышу, как голос подрагивает. Докатилась, блин! Я раньше улыбалась столько, сколько никто не улыбался, а сейчас стою посреди гостиной с дрожащим голосом и слезами на глазах. – Я хотела бы заявить. Меня преследует маньяк.

– Настоящий? – спрашивает мужчина на том конце провода, явно усмехаясь.

– Самый настоящий. Он шел за мной уже несколько раз, у дома и в парке, а сегодня я видела его снова, он стоял и смотрел на меня. Он носит черные очки и кофту с капюшо-

НОМ, ОН...

– Девушка, вы серьезно или шутите? – мужчина снова посмеивается. Неужели не понятно, что я не шучу?!

– Господи, ну конечно, серьезно! – Плакать хочется от несправедливости.

– Вы хотите, чтобы мы задержали человека за то, что он... ходит за вами?

– Нет, я...

А что я? Я молчу. Потому что, как бы ни звучало, именно этого я и требую от них.

Кладу трубку, понимая, что это бесполезный разговор. Не будут его искать за то, что он ходит по пятам за какой-то никому не известной Дашей. За такое даже статьи нет. И выглядела я наверняка как дура. Будут теперь всем отделом с меня ржать...

Опускаюсь в кресло и закрываю лицо руками. Плакать хочется, но слез нет. Апатия какая-то. Мне было весело и спокойно, пока я снова его не заметила, и я просто действительно не понимаю, что могу с этим сделать.

Глупо было звонить в полицию. На что я надеялась вообще?

Может... рассказать папе? Наверное. Дождусь только, когда он вернется. Главное – дожить до его возвращения или хотя бы остаться в своем уме.

Глава 9

Леша

Жара бешеная. Оля нас гоняет снова без жалости, а от солнца сумасшедшего сто потов с каждого сходит. Уходим в раздевалку, а на улице озеро после нас, хоть лебедей запустай.

Я реально сильнее уставать стал, надо, что ли, к медсестре зайти, пусть анализы возьмет, вдруг витаминки какие попить надо. А вообще просто нужно все-таки нормально пожрать. Три дня прошло, как я эту козу рыжую в магазине встретил, с того дня, сука, ни один покупной салат в рот не лезет. Ну нормально? Не было печали. Один раз заказал себе ужин, но еда не была настолько вкусной, чтобы получить удовольствие. Поел и ладно. Потом я все-таки пытался поесть салаты, что не увенчалось успехом, а вчера и вовсе отчаялся, пытался пожарить картошку. Это была очень тупая затея, слава богу, что квартира осталась целой. Короче, веселого мало.

Одно только радует: посылка от мамы пришла. Ее посылки я всей душой люблю. Она кладет туда соленья от бабули, обязательно вяленое мясо от нее же, какой-то сюрприз от себя и пару фоток каких-нибудь прикольных. Раз в два месяца

я самый довольный человек. А раз в год, когда к маме в гости катаюсь, самый счастливый.

Поэтому в душ иду быстро, переодеваюсь тоже на скорости и прыгаю в машину. Надо в магазин, отчаялся, куплю пельменей, хоть поем нормально. Потом на почту и домой до вечера, а дальше у меня планы с третьим размером груди и пушистыми ресницами. Кристина. Мы с ней пару недель назад в баре познакомились, а сейчас она мне уже второй день пишет, тонко намекая, что очень хотела бы встретиться вечером. Я от таких встреч не отказываюсь. А еще надеюсь, что на отношения намекать она не начнет. Сама липла, я не обещал ничего. Мне давали – я брал. Схема рабочая и простая как мир. Девчонки себя предлагают, сам не лезу, чтобы не выставили маньяком и не сказали, что домогаюсь. Я вообще никого не домогаюсь. Я практически солнышко ясное.

На почте небольшая очередь, хотя обычно тут никого, и перспектива стоять тут полчаса не очень радужная, но ради посылки матушки я и сутки простоять готов.

Зеваю, спал хреново, как-то в последнее время реально сдавать стал, ни спать, ни есть, ни черта нормально не получается. Прикрываю рот рукой и слезы с глаз от зевка стираю, как вдруг сзади тихонько звучит:

– Муха залетит, Чудовище, – хихикает рыжая, довольная своей шуткой.

– Ты преследуешь меня, Рапунцель? – удивляюсь я. Стоит, смешная, без макияжа, копна волос в какое-то гнездо за-

вернута, ну хоть воробьев запускай туда потомство выращивать. Выглядит еще младше, чем когда покрашенная. Сколько ей? Шестнадцать? – Каждый раз за мной стоишь, даже неловко. Мне вообще-то больше нравится сзади быть.

– Ха-ха. – Глаза закатывает и складывает руки на груди, делает вид, что шуткой смущенная. Ну, конечно. А кто там в первую минуту нашего знакомства про размер машин и членов разговаривал? – Сейчас тоже меня вперед не пропустишь, джентльмен?

– А надо? – улыбаюсь я. – Не-а. Ты ж убежишь сразу, а я не удивлюсь, если ты и отсюда три мешка потащишь. Убежишь – не провожу.

– Да я на такси. – Хмурится, пытается скрыть улыбку. Девчонки любят заботу, от этого и улыбка тянется. Ну а я что, зря мышцы отращивал? Отнесу, домой отведу, живу-то рядом, не развалюсь уж.

– На такси? – Теперь уже я хмурюсь. От почты до ее дома пройти домов пять, не больше. По такой погоде прогуляться – святое дело. Или реально у нее тут тонна груза? – Ты что, не все продукты в супермаркете скупила, мешок картошки еще заказала? – Я посмеиваюсь, но рыжая не смеется. Что-то не то.

– Нет, просто по улице одна стараюсь не ходить, даже книг вот заказала, чтобы дома читать, пришла... приехала забирать. Антон тогда правду сказал, что за мной маньяк какой-то ходит. Ты от него меня и спас, когда домой подвез, – с

чего-то вдруг откровенничает со мной рыжая, и губы кусает, нервничает. Вот это поворот... А я думал, она просто странная. А тут реально хрень какая-то. Говорит негромко, чтобы лишние уши не слышали, и глаза в пол опускает. Сразу как будто другой человек. Когда я ее домой от супермаркета провожал, она совсем другая была. А сейчас как мелкий котенок, испуганный и забитый.

– Не надо такси, я довезу, – решаю я мгновенно. Дело серьезное. Расспросить хочу, вдруг помогу чем, ну мало ли? Знакомы ведь уже, как ее в лапы маньяка отпустить-то? Все-таки где-то глубоко внутри я джентльмен. По крайней мере, просто человек адекватный.

Дальше Даша молчит, да и очередь наконец-то моя подходит. Забираю коробку от мамы, тяжелее обычного, и жду рыжую, не отходя от нее. У нее тоже коробка, причем не маленькая. Книги, говорит. Туда можно было бы весь мой книжный шкаф засунуть. Я не слишком люблю читать, в детстве хватило. Слушать люблю, аудиокниги частенько включаю на ночь.

– Что ты там наказывала? – спрашиваю я, когда выходим с почты. Она молчит, не улыбается, пытаюсь разговаривать как-то, а то совсем уж траур какой-то.

– Про любовь?

– Естественно, – кивает она и наконец-то хихикает. – Одна классная, про совершенно разных братьев-близнецов, которые в одну девушку влюбились.

– Надеюсь, они замутили тройничок. – Посмеиваюсь, когда Даша глаза закатывает, и открываю машину. Пока ставлю коробки на заднее, рыжая прыгает на пассажирское. Она так смешно в этой машине смотрится. Если бы не копна ярких волос, ее вообще незаметно было бы. Мелкая, как мышь. Хотя ростом не гном вроде, это я переросток, но худая, еще и шмотки огромные какие-то, ее вообще не видно толком.

– У тебя пахнет мясом, – выдает Даша, когда сажусь в машину. Знаю я! Это из коробки от матушки. Слюни уже по земле тянутся, желудок урчит.

– Мама посылку передала, всегда туда вяленое кладет от бабули. Хоть пожру нормально, а то сдулся уже.

– Ты занимаешь половину машины, – хохочет Даша. Заметно расслабляется, чувствует себя в безопасности здесь. Это радует. Не хочу я, чтобы шугалась меня балбеска. Кто ее домой тогда возить будет? Я уже подписался, кажется. Третий раз, два из которых по собственной воле. Удивительно.

– А должен занимать семьдесят процентов, говорю же, сдулся. – Завожу машину, выезжаю с парковки и решаюсь все-таки на разговор рыжую вывести: – Так что за тема с маньяком-то? Я думал, ухажер какой настойчивый.

– Я понятия не имею. – Жмет плечами и снова грустнет вся. Переживает, это понятно. – Я бежала от него неделю назад тут во дворах, потом у спорткомплекса, когда ты меня подвез. Лица не видно, он всегда в капюшоне, но идет четко за мной, куда бы я ни сворачивала. Когда из магазина шли с

тобой, увидела его у угла дома. А теперь просто боюсь даже выйти! Вот даже на почту на такси приехала. А как не выходить-то? Продукты, книги вот. Доставку я тоже опасаясь, если честно, мало ли...

– В полицию звонила? – спрашиваю. Ситуация, конечно... Жалко ее даже, стремно ведь.

– Нет оснований для того, чтобы искать его и задерживать. По факту он за мной просто ходит, – вздыхает рыжая и отворачивается к окну. – Извини, что загрузила, ты вообще первый, кому я рассказала об этом. Наверное, нужно было поделиться с кем-то.

Странно, что выбор пал на меня, но спрашивать, почему, не решаюсь. Вдруг у нее там еще гора проблем? Начнет рассказывать, реветь, а я че делать буду? Девчонок успокаивать не умею, да и причиной для слез становиться желания ноль, если честно. Пельмени в пакете сзади на сиденье ждут меня, опять же. Мясо от мамы. Спешить надо.

Приезжаем к ее дому, и я, не раздумывая, выхожу, открывая Даше дверь. Заметил, что она, когда грустит или думает много, притормаживать чуть начинает, ее подталкивать надо.

Ташу ее книги, веду до квартиры, она не возражает, а я и не слушал бы. Вроде и помочь чем-то хочется в такой ситуации дерьмовой, а с другой стороны – чем я помочь-то могу? Ничем объективно. Вот при случае домой ее отвезти, да и все.

У двери прощаемся, рыжая мне улыбается и снова благодарит, а я теперь понимаю, почему она в настроении скачет туда-сюда. Не в ПМС причина, походу. В придурке каком-то.

Ухожу и думаю много: вот что в голове у таких людей? Что движет человеком, когда он решает преследовать маленькую девочку? Ну она реально малявка же. Двадцать один год всего, учится еще, глаза светлые, доверчивые, хоть и стерва внутри, что тоже видно. Вот наверняка какой-то идиот, жизнью обиженный, развлекается, а рыжая страдает теперь. У меня сестра младшая есть, ей двадцать три, она в Европе живет, за мужем уехала, не видимся практически. За ней тоже однажды маньяк увязался, когда ей шестнадцать было, но убежать она не успела. Спасибо живая осталась и пережить все это смогла, сильная девчонка. А когда нашли этого урода, оказалось, сосед наш. Примерный мужик вообще был, здоровался всегда, улыбался. Ну и наулыбался на десять лет себе. Потом сорока нашептала, что до конца срока не дожил он. Не жалко ни капли.

Надеюсь, от своего придурка рыжая сможет убежать столько раз, сколько придется, если рядом не будет никого. Стремно все это. Никому не пожелаешь.

От рассказов Даши и воспоминаний даже настроение падает. Вот хватает же уродов в мире, а... А бабки у подъезда еще на меня косо смотрят за то, что девчонок домой вожу. Так я ж с их согласия!

Захожу домой и сразу иду на кухню. Жрать адски хочет-

ся, если честно. А из головы рассказ Рапунцель не выходит. Думаю и думаю.

И перевариваю пельмени. Естественно. Я и готовка несовместимы вообще, хотя я один уже кучу лет живу. Сметана ситуацию немного спасает, в целом сойдет, есть можно. Мясо от бабули спасает все. Ради него жить хочется, я чувствую, как у меня все показатели в организме растут. А еще огурчики... Боже, я за вкусную еду готов почку продать или что угодно, что попросят.

А еще мамка носки шерстяные положила. Говорит, племяшки двоюродные вязать учатся, от всей души старались. Две пары. Чтобы девушку себе нашел. Спасибо, конечно, родственники, но увольте меня от такого счастья. Я нашел одну, хватило, не хочу больше. Ребенок без отца растет, потому что мать двери не открывала, даже когда сутки в подъезде торчал. Суды до одного места, а устраивать скандалы и истерики при ребенке... Ну уж нет. Поэтому не хочу больше. Не верю я в любовь вашу.

А вот в секс – очень даже.

Кристина пишет около девяти, говорит, что уже готова и ждет, когда приеду за ней. Договорились фильм посмотреть. Тупая отмазка, кому она нужна? Оба знаем, зачем встречаемся, к чему этот детский сад с прикрытиями? Она мне в день знакомства в трусы залезла до того, как мы домой доехали, в машине еще. Какое кино, ну? Порнуху если только, и то в зеркало.

Привожу себя в порядок, привычную футболку меняю на летнюю рубашку, спортивки на джинсы. Хотя в спортивках все же было бы удобнее – снимать быстрее. Но я же джентльмен на сегодняшний вечер.

Кристина выбегает из подъезда, как только делаю пару гудков. Такое ощущение, что ждала у двери, когда позволю. Она... ну, вообще-то она не совсем в моем вкусе. Губы слишком большие, хотя я против уколов всяких ничего не имею, но тут явно перебор. Ресницы тоже слишком, и одевается она чересчур вызывающе. Вот с такой после клуба самое то потрахаться. Но большего она, кажется, и не просит, так что...

– Я соскучилась, – говорит Кристина чуть писклявым голосом и тянется, чтобы поцеловать меня в щеку, оставляя смачный отпечаток красной помады. Да чтоб тебя... – Давай завтра сходим в кино?

– Мы виделись всего раз, Кристин, как ты могла соскучиться? И то я не уверен, что ты видела мое лицо. – Я достаю салфетки и стираю липкий след со щеки. Мне в целом уже некомфортно. Вот чувствовал, что она будет липнуть. Зря согласился встретиться, лучше бы снова в бар пошел. Эти тонкие намеки на кино, кафе, прогулки уже сбивают все настроение. Переспим еще раз – вообще не отстанет. Знаем, проходили. А потом слушай нытье по поводу того, какой плохой Лешенька. А Лешенька, если что, никого ни к чему не принуждал. Папа еще жив был, говорил мне: «Что

хочешь, с кем хочешь, сколько хочешь, но знать надо, что девчонка согласна». Этим правилом и руководствуюсь. Никого ни к чему не принуждаю.

– Мне хватило одной ночи, чтобы по тебе скучать, милый.

Милый... Докатился. Милым меня еще никто не называл.

Вот где я милый? Я Чудовище и то больше, чем милый.

Настроение камнем вниз падает. Рассчитывал на горячий вечер, а в итоге везу домой пиявку, которая уже по пути ставит на мне метки, чтобы остаться на подольше. Руки мои трогает, опять поцеловать тянется, но я уворачиваюсь от помады этой красной дурацкой; ногтями, тоже слишком длинными, по бедрам водит. Как я вообще на нее внимание обратил? Не, эффектная, спору нет, но вот вообще не мое же. Пьяный был, видимо. Я даже в голове ее иначе запомнил, уверен был, что она милее гораздо. С сиськами вот не ошибся, точно трюечка. Она их в такой вырез выставила, не ошибешься. Да и не мог я забыть, я имя скорее не вспомнил бы, чем такое.

Заезжаю во дворы, еду осторожно, чтобы не задеть своим танком припаркованные машины, и удивляюсь, замечая Дашу у подъезда. Стоит, в телефоне смотрит что-то, хмурится, от света фонарей все хорошо видно.

А еще видно придурка, который медленно крадется в тени дома. Его видно плохо, он в черном, почти сливается с темнотой, но я вижу. Он точно идет в сторону рыжей, а эта клуша что-то так старательно высматривает в телефоне, что не

видит и не слышит вообще ничего, что происходит вокруг. А происходит пиздец.

Твою мать!

Торможу с визгом шин, вылетаю, хлопнув дверью и лечу в ее сторону. До нее метров сорок, нормально, успею точно.

– Рапунцель, обернись, чтоб тебя! – ору я на весь двор, но в целом мне насрать. Рыжая подпрыгивает от неожиданности, оборачивается и кричит, замечая того самого преследователя, и вдруг в панике разворачивается и бежит прямо мне в руки. Цепляется мертвой хваткой, обнимая, а маньяк сбегает сразу же, почуяв жареное. И мне бы Дашу в машину закинуть, догнать бы обидчика, объяснить ему пару раз, что девчонок маленьких пугать плохо, но рыжая так крепко держится за меня, что я с места сдвинуться не могу.

Бля... Ладно, главное, что успел. Я успел.

Глава 10

Леша

Главное, что я успел. А поймать обидчика, думаю, время еще будет. Вряд ли он просто так отвалит от нее, хотя кто знает? Вдруг испугался?

Рыжая жметя ко мне так сильно, что, кажется, всей командой ее оттащить сейчас будет невозможно. Обнимает так, что ребра трещат, где только сил взяла столько? Рубашку на спине кулаками сжимает, лбом в грудь утыкается и рыдает так громко и горько, что даже жалко ее становится.

А делать-то что?

Я девчонок успокаивать не умею, особенно не своих девчонок. Свою-то можно на плечо и в койку, а тут что? Рыдает, дурочка, чуть ли не истерикой заходится, испугалась. Как будто я не испугался. Как представил, что этот мудака сейчас по черепушке ее пустой стукнет, так обо всем забыл, из машины вылетел, побежал, орал что-то даже. Дашка хорошая девочка, но дура дурой. Выперлась на улицу одна по темноте, хотя при свете дня даже на такси до соседнего дома каталась. Бестолочь, вот точно бестолочь.

Неловко обнимаю в ответ, чтобы не чувствовала себя со-

всем плохо. Поглаживаю по спине, бормочу что-то, но за ее рыданиями даже самого себя не слышу.

– Все, Рапунцель, дыши, он свалил, успели мы, ну. – Психолог из меня совершенно никакой, но делать-то что-то надо с ней? Она, кажется, не слышит меня даже, рыдает и рыдает и жметя еще сильнее, мне уже дышать нечем. Волосы кудрявые подбородок щекочут, дую на них, а они все равно лезут, но рыжая даже этого не замечает. Пиздец, приплыли. Вечер просто вау!

– Лешенька, а может, мы поедем? – просыпается Кристина, крича из тачки. Стекла опущены, жара же.

Отмахиваюсь. Орать на весь двор я не буду сейчас, а Дашу отцепить вообще без вариантов. Мне кажется, сделай я шаг в сторону, она повиснет на мне, как обезьяна, и еще сильнее плакать начнет, хотя сильнее, наверное, невозможно уже.

Кристина кричит снова, но я не слышу что, рыжая очень громко воет. Различаю стук каблучков сзади и закатываю глаза: серьезно?

– Рапунцель, успокаивайся! – Глажу ее по спине, по волосам, но все без толку. Я не сталкивался еще с такими истериками и, что делать, понятия не имею.

– Милый, поедем, пожалуйста, у нас были планы, – тархтит Кристина уже рядом, а я чувствую, как нервы сдают. Бля, ну что ж все так вовремя!

– Ты не видишь, что она плачет? – Я психую. Потому что урод сбежал, потому что Даша в истерике, потому что Кри-

стина хуже мухи назойливой. Как будто я сильно рад поменять секс на вопли, но делать-то что? Бросить не могу уже, сам вписался помочь.

– Кто это вообще? Отцепи ее, и поехали, я белье новое надела... – Крис губу закусывает и наматывает волосы на палец, а мне смешно сильнее, чем сексуально. Ну серьезно? Белье? Как будто я собирался смотреть на белье... Девчонки вечно стараются, трусы там какие-то выбирают, чтобы мужиков удивить, а нам хоть панталоны, пофиг-то на самом деле. Для себя покупают, ясно же, мужика не приманить этим. Хотя, если танец какой... Так, вообще не вовремя мысль пришла.

– Крис, сядь в машину. – Я злюсь. Рыжая вообще как будто не с нами, все рыдает и рыдает, это жесть какая-то. У меня уже голова пухнет от этих женщин, честное слово!

– Леша, брось ее, и поехали!

К чему эти сцены ревности? На основе чего вообще? Меня от злости за это подбрасывает. У меня в руках рыжая рыдает, ее чуть маньяк не схватил, а эта отношения выяснять лезет. Песня просто! Я бы их двоих с удовольствием тут бросил и домой свалил, только Рапунцель все не отцепляется никак.

– Кристина, мать твою, – рычу я, глядя на нее, и продолжаю уже по инерции Дашу гладить. Вдруг поможет все-таки? Ну, мало ли.

– Я вызываю такси и уезжаю, – обижается Кристина, до-

ставая телефон. Шантажирует. Чтобы я прямо сейчас ее за ручку взял и трахаться домой потащил. Только мне уже не хочется ничего. Особенно после сцены этой. Она ж явно не отвалит, если я сейчас Дашу брошу и с ней уйду. А я не хочу отношений. С ней – тем более.

– Проваливай, – отвечаю я беззлобно и отворачиваюсь от Кристины. Нет, а что она хотела? Стук каблучков отдаляется, через минуту слышу, как подъезжает такси. Тут таксопарк рядом, быстро работают. – Так, а с тобой все-таки надо делать что-то, – говорю я уже Даше и пытаюсь ее от себя оторвать. Ни фиги. Намертво вообще, как суперклеем. Испугалась она прилично, истерика сильная. А кто все пары по психологии пропускал? Все верно, Захаров Алексей Владимирович.

Обхватываю руками голову Даши, отрывая от себя хотя бы эту часть тела, и чуть приподнимаю, чтобы в глаза смотреть. А они у нее открыты вроде, но она вообще ничего не видит перед собой. Дышит с трудом сквозь всхлипы, веки красные, опухшие. Пожалеть ее хочется, как ребенка, укачать и чаем напоить. Наверное, так и сделаю, когда успокоится. Не вариант ее одну оставлять сейчас, вечер все равно сорвался.

– Рапунцель, смотри на меня, – говорю я громко и четко, пытаюсь поймать внимание, – смотри в глаза! Все в порядке, рядом никого, только я, ты слышишь меня? Даша, мать твою! Не слышит. По лицу вижу, что не слышит и не понимает.

Из такой истерики выбраться сложно, но выбираться надо, иначе «Скорую» вызывать придется.

– Надеюсь, рыжая, ты не убьешь меня за это, – бубню я и, наклоняясь, прижимаюсь к ледяным и соленым от слез губам. Кажется, на какой-то паре я все-таки был, там говорили, что нужно шокировать человека сильнее, чем он уже шокирован. Ничего лучше я не придумал, чем поцеловать.

Первые секунд пять Даша все еще дрожит и всхлипывает, а потом начинает оживать потихоньку. Сработало! Целую мягко, чтобы не напугать еще сильнее, в психушку загнать ее поцелуем тоже не хочется. Целую в медицинских целях, такое со мной впервые, не думаю о губах, ни о чем не думаю, кроме того, что она реально успокаивается. Замирает, как будто бы оживает и...

И отвечает на поцелуй.

Начинает губами в такт моим двигать и руки по спине чуть выше тянет, обнимая уже за плечи.

Неплохой бонус, я не отказываюсь. Дурак я, что ли, отказываться?

Секунд десять мы целуемся нежно, и когда я только начинаю думать о том, какие у нее мягкие губы, она отстраняется, отпускает меня, делает шаг назад и смотрит на меня со смесью ужаса и растерянности. Нет, ну извините, зато успокоилась же!

– Чудовище, – вдруг говорит она, как будто вообще только поняла, кто стоит перед ней. Да, вштырило ее, конечно. –

Прости, пожалуйста. Я так испугалась... – Дрожит бестолковка, а слезы опять на глазах появляются. Но уже не истерические. Обычные, от страха, от грусти.

– Иди сюда, горе ты. – Я снова тяну ее на себя и обнимаю уже нормально. Ну вот и что делать с ней? Ну ребенок, непослушный ребенок! – Ты какого черта на улицу ночью выперлась, Рапунцель? Приключений на задницу твою мало, да? Еще захотелось?

– Ты ругаешься, как мой папа, – ворчит рыжая мне в грудь.

– А я и по жопе дать могу, как папа. Какого хрена, я спрашиваю? А если бы я не успел?! Голова где твоя?

– Я из окна щеночка увидела, – всхлипывает дуралейка. Щеночка, блядь, она увидела. – Его пацаны какие-то обижали, мне жалко стало, ну я и подумала, что я же быстро, у подъезда, ничего не случится! Вышла, пацаны убежали сразу, а малыша нет. В телефоне фонарик искала, когда ты крикнул, сенсор заел, хотела спасти его...

– А себя ты спасти не хотела?

Злюсь на нее, аж зубы скрипят. Вот как не ругаться? Дура мелкая. Щеночка она увидела. Сама говорит, что маньяк бегаёт, а она щеночка. У меня даже ни одной цензурной мысли на этот пиздец не находится.

Как издевательство надо мной и моими нервами рядом начинает кто-то громко скулить. Даша тут же отлипает от меня, на корточки усаживается и на руки это безобразие берет, к сердцу прижимает, причитает что-то.

– Живой, малыш, нашелся, хороший такой!

И че хорошего? Ну пес как пес. Грязный, хвост трубой. Мелкий совсем. Дрожит, точно как рыжая.

Она встает на руках с ним и показывает мне, хвастается как будто. И на губах улыбка, словно не она мне тут двадцать минут рубашку соплями мазала и всех соседей своими воплями будила. А что хвастаться-то? Она из-за чудища этого чуть сама в лапы другого чудища не попала, а я радоваться ему должен?

– Леш, я... – Первый раз, кажется, она меня по имени называет, я даже хмурюсь от внезапности. – Я плакала, конечно, но слышала кое-что... я тебе вечер обломала, да? Прости, пожалуйста, мне сейчас очень-очень сильно стыдно. Очень-преочень.

– Ой, да ну ее, – отмахиваюсь я. На самом деле к лучшему, что не сложилось с ней. Меньше мозг выносить будет.

Меня радует, что Даша расслабляется. Я не знаю, моя компания на нее действует так, или что, но заметно, что ей больше не страшно. По крайней мере сейчас.

– Мне честно стыдно, – говорит она, поглаживая шавку. А та пригрелась, как будто они сто лет знакомы. Спасли ее, она сразу доверилась. Удивительное животное.

– Ну, будешь тогда за нее отрабатывать, – говорю я, замечая, как рыжая краснеет и глаза округляет. Ой, дура... – Еда у тебя есть? Я жрать хочу, капец просто...

– А! – оживает Даша тут же. Извращенка мелкая, о чем

думала вообще? – Я приготовлю, идем, конечно!

Я становлюсь счастливым от этих слов. И еще больше рад, что Кристина отвалилась сама. Она бы точно меня не стала кормить.

Оглядываюсь на машину: удивительно, но я даже затормозил нормально на адреналине, можно тут пока оставить, никому не мешает. Жму на кнопку на ключах, закрываю окна, двери, ставлю сигналку и иду следом за рыжей, которая реально тащит в квартиру эту несчастную собачонку.

Господи, ну что за девчонка?

Глава 11

Даша

Я никогда не думала, что могу попасть в более ужасную ситуацию, чем побег от маньяка. Дважды. Честно, даже представить не могла, что бывает что-то хуже.

Оказывается, бывает.

Это перестать думать головой, начать сходить с ума от одиночества в квартире, выбежать на улицу, чуть не попасть в руки маньяка, рыдать на груди у своего едва знакомого, обломать ему свидание, а потом тащить на руках грязного испуганного щенка и чувствовать затылком, как этот самый знакомый идет сзади, потому что я обещала его накормить.

Вау.

За полчаса приключений насобирала на целый сериал. Или мультик! Помогите Даше найти адекватность, она сама не справляется.

Иду, жму к груди тихо попискивающее солнышко, а у моей колени до сих пор дрожат. От страха, от адреналина, от стыда и... И от поцелуя.

Господи! Ну зачем он полез целоваться?! Нет, я успокоилась, конечно, но так растерялась в моменте, что, не думая,

ответила, а когда дело уже жареным запахло, дошло до меня, что творю.

Я просто... Я так испугалась! А тут Леша. Большой такой, защитил, успокоил, еще и не бросил меня, хотя имел на это полное право, встречу из-за меня отменил. Нежный поцелуй с ним стал маленьким островком спокойствия среди ужасов жизни, вот я и поддаюсь на эмоциях, не соображая ничего.

Но губы до сих пор печет от его близости, в любом случае это было слишком неожиданно. Мы мало знакомы, при каждой встрече кусаемся, а еще он старше меня прилично, и, блин, он хоккеист! Зарекалась с хоккеистами какие-либо дела иметь, а по итогу пять минут назад целовалась с ним, а теперь тащу его домой, чтобы приготовить еду и накормить его. Супер, Даша, отгородилась от хоккеистов, просто пять баллов!

– Ты серьезно заберешь эту шавку домой? – спрашивает Леша, когда заходим в лифт. Он так уверенно жмет семерку, словно каждый день сюда катается, а я еще ближе к груди прижимаю дрожащий комочек, как будто защищая его от большого грозного медведя.

– Он не шавка, – ворчу я и с удивлением сама замечаю, что мне не страшно больше. Этот большой мужчина отчего-то вселяет в меня сумасшедшее спокойствие, я не в первый раз замечаю, что рядом с ним страх проходит. Возможно, так будет рядом со всеми. Скорее всего, я перестаю чувствовать страх, потому что нахожусь не одна. Просто каждый раз ря-

дом оказывался только Леша, поэтому и сравнить не могу. Не боюсь, да и все... – Заберу, конечно. Я что, зря бежала его спасать?

Леша закатывает глаза и головой качает, реагирует на меня, как на маленького ребенка! Мне же не семь лет, я сама могу принимать серьезные решения и нести за них ответственность.

– Выгуливать ты его как будешь, спасительница? – Леша выходит следом за мной из лифта и спрашивает со смешком. А я... а я не подумала. Черт.

– Куплю лоток. – Я несую откровенную чушь. Ну какой лоток? Кошачий? Даже если он и будет ходить в лоток, ему все равно нужно гулять. Блин!

– А лучше поводок подлиннее, будешь прямо с седьмого этажа спускаться и на балконе стоять и смотреть, как собака гуляет. Как идея?

– Хрень. – Я злюсь. Открываю квартиру, а сама думаю, что надо выгнать Лешу и не кормить, как просил. Что за нравоучения и смешки? Вот только тот факт, что он спас меня, помогает мне и моему благородству все-таки впустить Лешу в квартиру.

– Как и идея забрать это чудище себе. – Леша чувствует себя как дома, а я, наоборот, мнусь на пороге, словно в гостях. Он скидывает обувь, включает свет, проходит в коридор, рассматривает гостиную... Деловой такой. Особенно в этих джинсах и рубашке. Хотя, мне кажется, серые спортив-

ки ему больше идут. Как-то... прям его стиль.

– Мило у тебя.

Да, у меня мило, потому что ремонт от и до я сама придумала, папа полную свободу дал.

Смотрю на малыша в моих руках: грязный, просто ужас. Его нельзя таким отпустить бегать по квартире. А вдруг у него блохи и... и что там у них еще бывает?

– Я быстро искупаю щенка и приготовлю поесть, как обещала, – говорю я Леше и сбегая в ванную, но он за мной идет, как будто я приглашала. Наглый до ужаса. Уже и не так радостно то, что он меня защитил. Хотя... Боже, как сложно с ним! Невыносимый какой-то. – Со мной будешь его купать?

– Мне заняться нечем, что ли? – Он опять смеется надо мной, как над дурочкой. Опускаю щенка в ванную, замечаю, что мальчик. Нужно придумать ему кличку... Он беленький, грязный только, из-за этого не видно белоснежной шерсти. Он не сопротивляется, а когда направляю на него струи воды – даже радостно виляет хвостиком. Такое солнышко.

– Как назвать его?

– Хатико назови, – отзывается Чудовище, – он вон сколько ждал, пока ты реветь перестанешь.

– Нет, Хатико не хочу, хочу, как в мультике.

– Тогда Бродяга. Ходил-бродил, пока ты не пришла на помощь, – посмеивается Леша, и я вижу в зеркало, как закрывает ладонью глаза. Не очень рад он со мной возиться, я по-

нимаю его. Еще и есть не готовлю, как обещала, а с собакой бегаю.

– У него на боку пятнышко черное, молнией как будто. – Я улыбаюсь, намыливая его детским шампунем. Да, он у меня есть, потому что я сама иногда мою им голову, для моих кудрей идеально подходит.

– Тогда Вольт. – Леша жмет плечами, и щенок начинает активнее вилять хвостиком.

– Кажется, ему понравилось. – Я улыбаюсь, смывая пенку. Ну вот, совсем чистый теперь.

Пока я укутываю малыша в полотенце, вижу, что Леша выходит из ванной и... И уходит. Стоит на пороге, натягивая кроссовки. А что... А что я не так сделала? Я уже даже придумала, что готовить буду, чтобы отблагодарить. Что происходит?

– А поужинать? – спрашиваю я, но, видимо, так жалобно, что Чудовище застывает на пару секунд и странно смотрит на меня. А я что? У меня от этих эмоциональных качелей настроение туда-сюда скачет. И стыдно теперь, что я за спасение никак не поблагодарила, а только спиной повернулась, чтобы уделить время собаке, а не человеку, благодаря которому я вообще смогла эту собаку забрать.

– Я сейчас вернусь, не надейся. – Он усмехается. – Если будет мясо, то о-очень быстро вернусь. Будет? – Спрашивает с такой надеждой, как будто он сто лет не ел.

Киваю. Будет, конечно. Не огурцами же его кормить.

Леша уходит, я укладываю малыша на подоконник на кухне, он у меня в небольшой диванчик переделан, наливаю ему молочка в тарелочку и заставляю себя не наблюдать за милым зрелищем, а оторваться и начать наконец-то готовить! На самом деле вкусный ужин – слишком малая плата за то, что сделал для меня Леша. Но он сам попросил, а большего я дать ничего и не могу.

Время прошло быстро, щенок напился молока и уснул, а я так увлеклась готовкой, что даже не услышала, как Леша вошел.

– То есть ты серьезно даже не потрудилась закрыть дверь? Рапунцель, ты вообще без мозгов? – Он заходит на кухню, и я от страха и неожиданности отпрыгиваю и чудом не отрезаю себе палец, хотя порезаться все-таки успеваю. Черт...

Подношу руку под кран, стараюсь держаться и не плакать, хотя очень хочется. Моя жизнь идет наперекосяк, я с появлением этого маньяка стала какая-то неуравновешенная, всего боюсь уже. Даже чуть пальца из-за этого не лишилась.

– Вот говорил же, что горе ты. – Чудовище подходит ко мне и берет меня за руку, осматривая травму. – Царапина, повезло. Пластырь есть?

– В аптечке за зеркалом в ванной, – бормочу я, не глядя ему в глаза. Мне, честно сказать, очень стыдно. Мы едва знакомы, а из-за меня у него уже столько проблем! Ничего хорошего от меня, вот прямо совсем. То домой отвези, то сумки отнеси, то от маньяка убереги, пожертвовав свиданием.

Ужас. Такими темпами он со мной здороваться перестанет даже. Надеюсь, вкусный ужин хоть немного спасет ситуацию. В том, что он будет вкусный, я не сомневаюсь. Моя ба – шеф-повар, она меня с пяти лет готовить учила.

Леша возвращается с пластырем, снова молча и по-хозяйски берет меня за руку и осторожно дует на ранку, открывая упаковку. Там действительно просто царапина, даже крови уже почти нет, но его забота так приятна, что я даже чуть краснею. Стоит тут, медведь здоровенный, дует мне на пальчик. Ну не прелесть?

Приклеивает пластырь, и я поднимаю голову, но не ожидаю того, что Леша окажется настолько близко. Мы почти носами сталкиваемся и замираем посреди моей кухни, глядя друг другу в глаза. Мамочки... Сердце не может стучать так быстро, что происходит?

А он смотрит, не отрываясь, такой простой, открытый. Он всегда делает то, что считает нужным, и говорит тоже, я успела понять, и сейчас отчего-то страшно становится, потому что считать его желания я просто не в силах. Так и стою, замерев, будто в ожидании.

Выкипает картошка. Шипит, крышкой стучит, и Леша, усмехнувшись, целует меня в лоб и отворачивается, забирая какой-то пакет у стены, пока я пытаюсь собрать себя по кусочкам и вернуться к приготовлению ужина. Боже...

Руки дрожат, но эта дрожь не от страха. Сумасшедший день какой-то, честное слово.

Старательно делаю вид, что все в порядке, а потом поворачиваюсь на звук шуршания пакета и замираю.

Леша выкладывает на стол кучу покупок, так же молча, без лишних слов.

– А это?.. – Даже мысли собрать в кучу не могу, чтобы что-то сказать.

– Корм, миска, подушка, шампунь для животных, одноразовые пеленки, ошейник, поводок и еще какая-то хрень, которую мне в зоомагазине сейчас впарили. Повезло, что в ТЦ он работает до десяти, – говорит он невозмутимо, как будто бы это все в порядке вещей. А все вообще не в порядке! Ничего не в порядке! Тут одним ужином не отделаешься, я что, должна буду его каждый день кормить?

– Леш, это же... боже, сколько я тебе должна?

– Три ужина и сырники на завтрак. – Он усмехается, снимая упаковочный пакет с подушки для животных. – Успокойся, Рапунцель, это подарок. Сама же ты точно не поедешь никуда, а раз пса забрала, то жить ему надо в условиях. С новосельем, Вольт, – говорит он с улыбкой проснувшегося щенку, и я чувствую, как по щеке слеза катится от этой заботы и внимания.

И мне теперь особенно хочется, чтобы ему очень понравился ужин.

Глава 12

Леша

Я не знаю, где эта рыжая так научилась готовить в свой всего двадцать один год, но клянусь, это божественно. Я оторваться не могу. За такую еду я готов ее хоть каждый день спасать, только бы есть по-человечески. Мне кажется, меня даже мама так вкусно не кормила, как Даша. Да простит меня мама, но я готов изменить ее еде.

Я в раю, честное слово. Этот рай из картошки с мясом, котлет, овощей, а еще тортика, который Даша вчера испекла от скуки, как она сама сказала. Очень вовремя испекла! От скуки... человек от скуки печет торты. Мне кажется, Кристина от скуки может пойти только к косметологу, чтобы убрать себе очередную несуществующую морщину. А тут зашучал человек и пошел торт печь. Ей точно двадцать один? Сейчас в двадцать один девчонки такие... Ну, многие, не все. Но такие, что и палец откусят по локоть, и пиявками присосутся к любому, кто богаче студентов. Как Кристина!

Она пишет мне все время с того момента, как укатила на такси. Телефон обрывает, как будто умер кто-то. Пишет, звонит. Я даже трубку взял, пока в магазин для пса бегал, но

лучше бы не брал. Претензии такие, как будто мы были лет сорок женаты, а я, такая сволочь, ее бросил в поле одну и укатил с какой-то другой девицей. Попалась же... Не, разные девчонки, конечно, у меня бывали, но такая пиявка – это впервые. Или крестик уже сняла бы, или трусы надела. Сначала сама в штаны мне лезет, даже имя не спросив, а теперь закатывает истерики, как будто бы я что-то должен.

Бред.

Она опять звонит. Но мне некогда, я в раю. Отключаю телефон и уплетаю ужин; надеюсь, что не выгляжу как голодающий, хотя, скорее всего, именно так и выгляжу. Ну и похер, если честно.

Мелкая на подоконнике широком в подушках с щенком играет, а я смотрю на нее и понять не могу: зачем я к ней целоваться-то полез?

Оба раза.

Нет, первый ладно, не придумал ничего более шокирующего, да и сработало же, нечего думать. А второй?.. В лоб поцеловал, как на похоронах, честное слово. Зачем?

За-чем?

Я сам не понял ни черта. Походу, вместе с ней уже кукухой поехал, что отчета действиям своим не отдаю.

Просто жалко мне ее. Девчонка молодая совсем, хорошенькая, да и сама вообще как ребенок, а у нее такой пиздец в жизни. Тут рефлекс работает: защитить, обогреть, пожалеть, в лоб, блядь, поцеловать. Моя сестра давно уехала,

мы не виделись три года уже, а тут такая же мелочь, еще и с проблемой похожей, как у Али моей в шестнадцать. Сестру, Альбину, защитить не смог, может, эту получится? Соседи тем более, приглядывать не так уж и сложно.

Зачем мне это надо, уже другой вопрос. Ответа на который у меня, конечно же, нет.

– Ты чего смотришь? – ворчит рыжая. А я не смотрю. В одну точку залип и мысли в голове гоняю. Не могу понять, мне то ли реально за ней приглядывать, то ли, наоборот, откреститься и забыть, чтобы проблем меньше было. – Невкусно?

– Вкусно, очень, – говорю я с набитым ртом, и Даша смеется. Да правда вкусно! У меня сразу такой прилив сил, что готов хоть Эверест покорить сейчас. Или три игры подряд откатать и все выиграть. – Ты спасла меня от голодной смерти, Рапунцель, – говорю я, доедая. Счастье всегда было так близко. Нужно было просто пожрать нормальной домашней еды.

– Да прямо... – Она хохочет опять, но краснеет. – А как же твои салаты из магазина? Там большие порции. Не наедаешься?

– А вот меньше болтала бы – наедался! Ведьма ты, Рапунцель, ни фига не принцесса, я теперь не то что есть, я смотреть на них не могу!

Рыжая коварно ухмыляется, как будто бы специально все это сделала, а теперь проделанной работе радуется. Ну и лад-

но. Пусть радуется. Это точно лучше той истерики, что мне вместе с ней пережить пришлось. Еще вопрос, кому из нас было хуже в тот момент. Я думал, сам в истерику впаду. Одна орет, хрен знает что делать с ней, другая рядом на ухо зудит как муха назойливая, а мне хоть разорвись. Жесть. Если бы не пожрал сейчас – прозвал бы день одним из худших. Но то мясо из духовки спасло не только день, но и всю мою жизнь, кажется.

– Спасибо, Рапунцель, за ужин, сегодня в мире на одного счастливого хоккеиста стало больше. – Я подхожу к подоконнику и чухаю щенка, что сидит в ее руках, за ухом. Ладно. Он правда не шавка. Прикольный малый. Рыжей он подходит. Смотрятся как идеальная пара.

– А вы все хоккеисты от еды зависимые или только мне такие попадаются? – спрашивает она с улыбкой, а потом замирает вдруг, опуская глаза. Интересное кино.

– Коваль? – спрашиваю я, хотя не знаю, хочу ли знать ответ. Собственно, и без ответа все и так понятно. Она тогда к нему пришла, когда он меня попросил ее отвезти, и смотрела потом на него так, как будто замуж за него собралась. Даша кивает, но взгляд не поднимает, странная. – А чего куксишься? Он в Крохалеvu нашу втрескался, там уже без вариантов, Рапунцель.

– Да все равно мне, совет да любовь, – говорит она и правда почти равнодушно. Почти. – История с Антоном меня совсем как приличную девушку не красит, поэтому давай об-

суждать не будем? Сама чушь ляпнула, не подумав.

– Не обижал тебя? – спрашиваю я быстрее, чем думаю. Качает головой. Не обижал. А если бы да? Что бы я сделал? Зачем мне вообще эта информация? Надо идти домой и спать, я с собственной головой договориться уже не могу. – Ладно, рыжая, не грузись ты. У всех такие истории бывают, все мы люди. Домой пойду. Дверь на все замки закрыть, спать лечь вовремя, Вольта не обижать, усекла?

– Хорошо, пап. – Она смеется, прыгивая с подоконника. Топает за мной в прихожую, сонная уже, смешная стоит, глаза трет. И к лучшему. Быстро спать ляжет и не будет чушь всякую думать. – Слушай... А у тебя тренировка завтра есть?

Киваю. Есть, конечно, когда их нет?

– Девчонок не берем в команду, тебя тем более, у тебя грива, шлем не налезет.

– Ха-ха, – закатывает глаза рыжая. – Подкинешь меня до парка, который рядом со спорткомплексом? С подружкой встретиться еще вчера договорились, а мне уже и такси не внушает доверия.

– Именно поэтому ты собралась по городу шариться, да? – спрашиваю я. Это я такой старый стал уже, что молодежь не понимаю, или она правда дурная?

– Я осторожно!

– Спасать не буду больше, Рапунцель. – Я подмигиваю и открываю дверь. – В десять заеду за тобой, и дверь закрыть не забудь, горе луковое.

Слышу в спину «ты точно как мой папа!», когда уже иду по коридору. Не знаю, хорошо это или плохо. Не то чтобы я относился к ней как к дочери, она уже слишком взрослая для этого. Скорее, как к сестре.

«Сестер не целуют», – орет внутренний голос, и я старательно пытаюсь заткнуть его другими мыслями, пока добирюсь домой.

Дома меня от этого спасает кровать, подушка и очередная книга в наушниках. Чет я замотался сегодня...

Засыпаю быстро и ловлю странное ощущение, будто встаю через мгновение по будильнику. Как будто бы закрыл глаза и сразу открыл их, хотя чувствую себя заметно лучше. Сто раз говорил, что вкусная еда чудеса творит, скажу сто первый.

Собираюсь быстро, хватаю сумку и перевожу машину под подъезд Даши. Надеюсь, она не забыла и не передумала ехать, а уже собралась и ждет меня на пороге, потому что я всем своим нутром ненавижу ждать, пока соберется женщина.

Это же ад! Минное поле! Тебе нельзя ее подгонять, нельзя напоминать, что вы уже везде опоздали, ни в коем случае нельзя лезть под руку. Нужно выбрать тот самый оттенок красного в помаде, хотя для мужиков они все одинаковые, а еще слишком естественно сказать, как замечательно она выглядит, хотя ты точно уверен, что в домашних шортах и с гнездом на голове она выглядит куда лучше. Короче, не любитель я.

Поэтому я стучу в дверь с надеждой, что откроет мне уже полностью готовая Даша, а не...

– Без десяти, а ты еще в халате? Серьезно? – говорю я с отчаянием. Да издевательство! Зачем оно мне вообще все это надо.

– Прости-прости, я быстро сейчас! – Даша убегает в комнату, видимо, собираться дальше, и кричит мне оттуда: – Если что, там на кухне блины есть, меня Вольт рано разбудил, я напекла, чтобы без дела не сидеть, можешь хоть все съесть.

И... ладно. Ворчать мне больше не хочется. А еще, оказывается, женские сборы могут быть не такими уж плохими.

Глава 13

Даша

Умение вкусно готовить когда-нибудь обязательно спасет мне жизнь, хотя уже спасло, если так подумать. Леша упле-тает блины за обе щеки и даже не думает ворчать, что я долго собираюсь, хотя на часах уже целых семь минут одиннадца-того и мы, кажется, опаздываем. Но это не точно. Он вообще не говорил, во сколько у него тренировка, просто сказал в десять быть готовой, и все. Я почти успела! Ну, подумаешь, семь минут... Не смертельно ведь?

Вообще, мне немного странно. Мы на самом деле еще очень мало знакомы, но между нами уже столько произошло, что есть ощущение, будто мы лет десять знаем друг друга. И я не про неловкие моменты, я в целом обо всем. Он вче-ра купил все для моей собаки, потому что понимал, что са-ма я вечером никуда не пойду! Для собаки, которую называ-ет шавкой! Это с ума сойти. Насколько сначала он показал-ся мне ужасным, невоспитанным медведем, настолько я ви-жу сейчас, что этот мишка очень заботливый, даже если не слишком хочет это показывать.

Никто не находится рядом кроме него сейчас, когда мне

сложно, и самое главное, я его не прошу об этом. Он просто... он словно старший брат, о котором я мечтала всю жизнь. Который всех хулиганов разгонит, будет давать наставления, как родитель, и не забывать пошло шутить. С последним Чудовище на отлично справляется, хотя вижу, что иногда даже сдерживается, чтобы меня не смущать.

Еще вчерашний разговор... Я, как обычно, за языком не проследила, а он сразу понял, что речь об Антоне. Ну, видел же он нас тогда, не тупой ведь, догадаться несложно. А я что? А мне стыдно, если честно. Хотя Леша прав, мы все люди, стыдиться нечего. Я же влюбилась в него. По крайней мере, мне так казалось. А встречаться боялась с ним, потому что он бабник дикий был, а у таких обычно после проявлений каких-то чувств желание видеться пропадает. А я не хотела его терять. Да еще и парень у меня перед ним был, который очень хреново со мной поступил, и я как-то вцепилась в Антона... Отношение у него ко мне хорошее было, он ничего не требовал, мы просто встречались, занимались сексом и расходились, иногда даже по душам болтали, всех все устраивало. Мне казалось, что таким образом он хоть немного, но есть у меня, и по дурости каждый раз отказывала, когда он предлагал встречаться, потому что искренне верила в то, что я сразу ему перестану быть интересна. А потом банально на улице листовки раздавали, а там написано было, что счастье ближе, чем я думаю. Ну я и пошла сказать ему, что согласна попробовать, а он, оказывается, уже в другую влюбился.

И хорошо на самом деле, что вот так все вышло. Не питал он ко мне всех тех чувств, что питает к новой девушке, и я искренне буду рада, если у них все получится. А я... я немного жалею, конечно, что у нас не вышло, но, видимо, не он мое счастье, что было так близко.

И Леша понял ведь вчера все, хотя я не рассказала совсем ничего, только пару слов, что ситуация меня не красит, и все равно не осудил, а даже сказал, что не нужно об этом думать.

А я и не думаю давно! У меня теперь другие заботы. Маньяк неуравновешенный, собака, которая мне всю ночь спать не давала, и... И Леша. Которому я за свое спасение и хотя бы временное спокойствие по гроб жизни обязана буду. Как представляю, что могло бы быть, если бы он не ехал мимо, так волосы дыбом становятся и мурашки по затылку размером с горох бегут.

Но дома мне все равно не сидится. На самом деле здесь страшнее. Одиноко, стены давят, и осознание, что маньяк может ворваться в квартиру, а я не смогу защититься, оно убивает. Поэтому и договорились встретиться с Сашей в парке, посидеть в кафе, обсудить всех вокруг, как мы обычно делаем. Там будут люди, и, самое главное, там будет Саша. Она меня уж точно отобьет от любого маньяка, защитит не хуже Чудовища. Боевая девчонка, ну и дурная чуть-чуть, в хорошем смысле.

Поправляю волосы, заправляю майку в брюки и выбегаю из комнаты, застывая у входа на кухню. Улыбка сама собой

расплывается, когда вижу, как Леша сидит на подоконнике, а на его руках уместился Вольт и тихонько сопит. Ну что за прелесть? На фоне огромного Леша Вольт совсем малышом кажется, в одну руку Чудовищу помещается, точно игрушечный.

– Укачал ребенка? – спрашиваю я, посмеиваясь. Поймала с поличным. А то все шавка, шавка... самому же нравится!

– Он скучал по тебе и залез ко мне на руки, я не специально! – Леша фыркает, а сам так аккуратно перекладывает его на новенькую, им же купленную подушку на подоконнике, как будто не щенка в руках держит, а реального ребенка. Вольт очень быстро освоился и даже не боялся почти ничего. Видимо, на улице ему было очень плохо, раз он так просто остался у меня, даже не плакал, только нос мне всю ночь облизывал. – Его к ветеринару надо, ты же в курсе, да? – спрашивает Чудовище, вырвавшись из плена белого облака и подходя ко мне. Останавливается рядом, подхватывает пальцами прядку волос у лица, оттягивает ее вниз, выпрямляя, отпускает и смотрит, как она быстро обратно в спиральку закручивается. Во дурак. – Ты с ними делаешь что-то?

– Ага, – киваю, сдерживая смех. Здоровый мужик удивляется кудрявым волосам, с ума сойти. – Мою и бальзамом кончики смазываю. Все. Даже не расчесываю.

– Серьезно? – Он так искренне удивляется, что мне смеяться хочется. Иду в прихожую, достаю красивые босоножки на каблуках, присаживаюсь на пуфик, обуваюсь и продол-

жаю хихикать над Лешей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.